

Хорхе Ульник

КОЖА

В ПСИХОАНАЛИЗЕ

Хорхе Ульник

Кожа в психоанализе

«Когито-Центр»

2008

УДК 159.9
ББК 88

Ульник Х. К.

Кожа в психоанализе / Х. К. Ульник — «Когито-Центр», 2008

ISBN 978-1-85575-516-1

Рассматривая болезнь как особую форму переживания пациентом своей истории жизни, автор предлагает исчерпывающее психоаналитическое обоснование методологии совместного ведения пациента врачом и психоаналитиком. Для стиля изложения и структуры книги характерна отчетливая клиническая направленность, представлено множество примеров из практики многолетней междисциплинарной работы с дерматологическими пациентами. Книга адресована психологам и психоаналитикам, работающим с психосоматическими пациентами, клиницистам, стремящимся включать в свою практику междисциплинарные аспекты лечения, дерматологам и врачам других специальностей. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-1-85575-516-1

© Ульник Х. К., 2008

© Когито-Центр, 2008

Содержание

Благодарности	7
Об авторе	8
Предисловие	9
Введение	13
Глава первая. Кожа в работах Фрейда	15
Кожа как эрогенная зона	16
Исследование инфантильной сексуальности	16
Исследования истерии	16
Обсессивный невроз	17
Психоз	18
Выражение эмоций	18
Связь бессознательного с кожей и с ее функциями	21
Толкование сновидений	21
Тотем и табу	24
Процессы идентификации посредством кожи в работах «Тотем и табу» и «Групповая психология»	25
Фетишизм и кожа	26
Влечение к прикосновению и кожа в качестве источника и объекта влечения Влечение к прикосновению	27
Связь между влечением к прикосновению и влечением к созерцанию	27
Преграда влечению к прикосновению	29
Кожа как объект влечения и влечение к овладению	29
Кожа, предварительное удовольствие и зуд	30
Невроз, возникший в результате фиксации на удовольствии от прикосновения	31
Резюме: оси влечения к прикосновению	31
Контакт как основная идея. Контакт и заражение	33
Контакт, контактный барьер и поверхностный электрический заряд тела	33
Первичный процесс при контакте: когда контакт становится заражением	34
Табу на контакт, заряженность объекта и обсессивный невроз	34
Контакт, горевание и материализация боли	36
Кожа как кортикальный слой: функции границы, поверхности, защиты и восприятия	38
Функция защиты	38
Кожа и сознание. Роль кортикального слоя в символизации времени и в функционировании памяти	38
Несколько слов о кожных заболеваниях и их интерпретация или сочленение с психическими фактами	41
Глава вторая. Дидье Анзье: Я-кожа	43
Тактильные ощущения как основание	43
Эго и кожные заболевания	45
Запрет на прикосновение	47

Чувство базового доверия	50
Концепция Я-кожи	52
Фантазия об общей с матерью коже	52
Вторая кожа	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Хорхе Ульник

Кожа в психоанализе

© Ulnik Jorge, 2008

© Шутков А. Е., перевод на русский язык, 2017

* * *

Я посвящаю эту книгу Эстер, Алехандре и Аналье, любовь и понимание которых было ровно в том количестве, какое нужно мне для полного благополучия

Когда я поставил своей задачей пролить свет на то, что люди скрывают, не посредством гипнотического принуждения, а лишь внимательно наблюдая за тем, что они сами говорят и показывают, я считал эту задачу более трудной, чем она оказалась в действительности. Имеющий глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, легко убеждается в том, что ни один смертный не в состоянии сохранить секрет в тайне. Тот, чьи губы молчат, выдает себя кончиками пальцев; из всех пор просачивается предательство. И потому эта задача по осознанию наиболее скрытого в душе очень даже разрешима.

(Freud, 1905d, p. 77–78)

Чтобы судить о человеке, надо, по крайней мере, проникнуть в тайники его мыслей, страданий, волнений. Проявлять интерес только к внешним событиям его жизни – это все равно, что составлять хронологические таблицы, писать историю на потребу и во вкусе глупцов.

(Honoré de Balzac, 1831, p. 88)

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить моих испанских друзей за предоставленную возможность ежегодно посещать их удивительную страну: д-ра *Gerardo Gutiérrez*, д-ра *Eduardo Chamorro*, д-ра *Victoria Serrano Noguera*, д-ра *Juan Rodado Martínez* и д-ра *Lourdes Sánchez García* (психоаналитиков); д-ра *José M. López Sánchez* (психиатра); д-ра *José Zurita* (психотерапевта); д-ра *Emilio Suárez Martín*, д-ра *Enrique Herrera Ceballos* и д-ра *Carmen Brufau* (дерматологов).

Я хотел бы поблагодарить д-ра *Javier Ubogui*, исключительного дерматолога, за его щедрую, дельную помощь и глубокое понимание. Его помощь была неоценимой в целом, но особенно при работе над главой 11, которую он помог написать и для которой он предоставил клинический материал и фотографии.

Я хотел бы поблагодарить моих родителей, которые являются примером для меня даже сегодня и которые всегда оказывали мне поддержку.

Также я хотел бы поблагодарить:

Д-ра *Fernando Stengel*, д-ра *Juliana Förster Fernández* и д-ра *Miguel Fridmanis* (дерматологов) за их неизменное доверие; Персонал в *Psoriahue*, которые разделяют междисциплинарную работу со мной: д-ра *Miriam Saposnik*, д-ра *Maria Laura Garcia Pazos* (дерматологов), д-ра *Irene Dabbah* (психиатра и психоаналитика), лицензированных специалистов *Patricia Mirochnik*, *Mónica Czerlowski*, *Eugenia Melamed* (психоаналитиков) и проф. *Alicia Lago* (эвтониста); моих коллег профессоров кафедры психосоматических заболеваний в *UAI*, которые помогли мне написать главу о привязанности: специалистов *Alicia Monder*, *Mónica Czerlowski* и *Mónica Santcovsky* (психоаналитиков); Национальный фонд псориаза (США), который всегда поддерживал научную работу для того, чтобы помогать больным псориазом; *Mariela Tzeiman* и д-ра *Federico Bianchi*, которые помогли мне с диаграммами и графиками, а также д-ра *Silvio Litovsky*, который помог мне с переводом некоторых медицинских слов; *Vivian Gerome* и *Valeria Segura*, приложившие много усилий, чтобы следовать всем моим инструкциям, и много помогавшие мне с этой книгой; проф. *Vicente Galli* и д-ра *Alcira Mariam Alizade* (психоаналитиков), с любовью поддерживавших меня.

Об авторе

Хорхе К. Ульник – доктор медицинских наук, имеет степень философии в университете Гранады (Испания) и в университете Буэнос-Айреса (Аргентина); является действительным членом Международной психоаналитической ассоциации, а также тренинг-аналитиком и супервизором Аргентинской психоаналитической ассоциации.

Является профессором психосоматики в Школе психологии при *Universidad Abierta Interamericana* (UAI) и штатным преподавателем в аспирантуре при *University René Favaloro* в Буэнос-Айресе.

Получил должность профессора по результатам международного конкурсного экзамена в «*Programa Cátedra Fundación BBVA*» (2000). С тех пор он ежегодно приглашается в Испанию и Португалию. В Испании он является профессором в области психосоматики при подготовке к степени магистра в психоаналитической психотерапии, *Complutense University* (Мадрид), профессором в магистратуре гуманистической интегративной психотерапии, *Galene Institute* (Мадрид), почетным профессором Отделения обучения и психотерапии, Андалузской службы здравоохранения (Гранада) и ежегодно принимает участие в качестве лектора в цикле «*Kino u psicoanaliz*», организованном *Cajamurcia Foundation* в Мурсии. В Португалию он был приглашен для чтения лекций в *Porto Psychoanalytical Institute*, Португальском психологическом обществе, Лиссабонском университете и Лиссабонском психоаналитическом институте.

Организует междисциплинарные команды, особенно в области дерматологии и участвует в них. Является директором *Psoriahue Medical Center* (междисциплинарная медицина в комплексном лечении псориаза и витилиго). Является членом редакционного совета *Archivos Argentinos de dermatología* и *Dermatología Argentina*. Является автором 22 опубликованных работ, 18 учебных буклетов для университета, 5 книжных глав и двух книг: «*Monográfico de Medicina Psicosomática*» (ред. *Virgen de las Nieves*, Гранада, 2002) написана в соавторстве с *José María López Sánchez* и членами *CEPA* (Аргентина) и *UDyP* (Гранада, Испания); «*El psiconálisis y la piel*» (ред. *Síntesis*, Мадрид, 2004) является испанской версией этой книги. Имеет частную психоаналитическую практику в Буэнос-Айресе (Аргентина).

Предисловие

Написание предисловия к книге Хорхе Ульника, которую читатель держит в руках, – задача не только приятная для меня, но и деликатная. Я не являюсь экспертом в той области, которой посвящена книга – кожа и ее расстройства, – но, с другой стороны, с Хорхе меня связывает недавняя, но самая настоящая дружба. Мне не хотелось бы, чтобы первое дискредитировало мои слова, а последнее производило впечатление, что я ослеплен нашей дружбой (я не вижу в этом ничего плохого само по себе, за исключением случаев, когда дело касается написания вводных критических комментариев к книге).

Является ли эта книга введением в сравнительно новую и, несомненно, очень конкретную тему, адресуюсь к тем людям, которые мало что знают об этом? Или это, скорее, прогрессивный исследовательский проект, полезный, прежде всего, тем специалистам, которые уже имеют некоторый опыт и знакомы с проблемой кожи? Я могу с уверенностью сказать, что книга является и тем, и другим. Это не только великолепный источник информации и вдохновения для начинающих, но еще и хорошо документированное, добросовестное и комплексное исследование с обильным и разнообразным клиническим материалом для специалистов.

Читая книгу, я жаждал встретить специальную главу о психотерапии больных кожными заболеваниями, методологически и технически точную, с развернутым описанием некоторых случаев. Весьма вероятно, что в своем деятельном уме Хорхе уже мечтает и продумывает такую главу. В противном случае, я стал бы в один ряд с теми, кто взывает к работе такого рода.

А теперь я приглашаю читателя взглянуть на некоторые аспекты работы и ее автора, которые, на мой взгляд, заслуживают внимания.

Важный теоретический вклад Хорхе – прежде всего, пересмотр взглядов авторов, начиная с Фрейда. Мы заново открываем у Фрейда нескольких прямых и косвенных ссылок, которые задают порядок и позволяют категоризировать понятия по теме кожи. Добросовестно и тщательно Хорхе разбирает все, что Фрейд говорит о природе и функции кожи, обзвывая все его работы, от *«Проекта научной психологии»*, написанного в 1895 г., до *«Очерка психоанализа»*, датированного 1938 г. Эта работа важна, прежде всего, своей ясностью.

В книге обсуждается также вклад Дидье Анзье (общая с матерью кожа; функции Эго-кожи; уровни символизации и пять типов логики, соответствующих этим уровням, которые Хорхе вводит и иллюстрирует случаями из клинической практики, а также литературными произведениями и фильмами; важная роль мазохизма как «покрывающего страдания» и т. д.) и длинный список психоаналитиков, которые в той или иной мере обращались к теме кожи.

Читатель должен быть готов к тому, чтобы вместе с Хорхе познакомиться с рядом авторов. Я не знаю, насколько полон их список; скорее всего, нет; но по прочтении книги я ощутил себя достаточно хорошо подготовленным и информированным. Меня особенно впечатлили экспрессивная функция кожи (впервые описанная Роберто Фернандесом) и вклад – на мой взгляд, свежий и актуальный – такого известного своим единомыслием с Фрейдом автора, как Макс Шур.

Что касается толкования Розенфельдом известной повести *«Шагреневая кожа»*, то этот комплекс я считаю содержательным и интересным, хотя такого я не могу сказать о той методологии, с которой он подходит к истории, являющейся продуктом традиционной культуры и потому должной изучаться в своем собственном контексте. Тем не менее данная тема, то есть методологический подход к этим сокровищам нашей разговорной культуры, – это совсем другой вопрос, и я не сомневаюсь в том, что Хорхе сможет обнаружить там по-настоящему значимый материал, лежащий в русле его исследования.

Нас также впечатляет собственный вклад самого автора: его добросовестный пересмотр предшественников. Он никогда не скрывает источников своих идей и дословно воспроизводит

их; он выносит их на передний план, при этом он превращает эти идеи в собственные, закладывая их в фундамент своего образа мыслей и действий.

Рассматривая теорию с этой стороны, мы находим в книге отчетливый комплекс взглядов на кожу: кожа как источник, кожа как объект, кожа как защита и как точка доступа, как оболочка и как источник заражения, кожа «одна на двоих» в отношениях с матерью, кожа как покров и как поддержка, как защитная оболочка, представленная «второй кожей», как демаркация собственной идентичности человека, как место запечатления невербальных воспоминаний, как токсичная оболочка и т. д. Кроме того, представлена интересная идея: о влиянии психики на тело было известно всегда, однако менее известно (кроме ингибирующих или депрессивных последствий серьезных соматических состояний) влияние тела на психику, в частности, влияние кожи на психику. Эта идея развивается на протяжении всей книги.

В пространстве теоретических вкладов автора – это впечатлило меня более всего – лежит его интерес к смыслу. Авторитетные в мире психосоматики фигуры ввели структурную точку зрения (психосоматическая структура), которая, так сказать, «приговорила» пациента (страдающего от симптомов, считающихся психосоматическими) к диагнозу «психосоматическая личность», которая прежде считалась обладающей высоким уровнем обобщения и, я бы добавил, сегрегации.

Хорхе не принадлежит к этой группе теоретиков. Каждый пациент интересен ему своей индивидуальностью, своей историей, семейными фразами, повлиявшими на него, материальной функциональностью их симптомов и т. д. Его всегда интересует смысл каждого случая зуда, каждого пятна, каждой чешуйки эпидермиса. И, возможно, на этом пути, выходя за рамки диагностического метода, на который ссылается, он пытается ввести в сферу символизации пациента, который не только страдает, но обладает опытом и умениями. В тексте Хорхе много пациентов. Через каждые несколько абзацев появляется человек, который рассматривается очень пристально, в жизни которого интересно все: его имя, прозвища, под которыми он известен другим людям, его одежда, его представления о рекламной продукции, его наивность в отношении всевозможных лечебных средств от его болезни...

Тем не менее Хорхе не останавливается на достигнутом. Он идет дальше, чтобы найти пациентов в более широком мире: в детских рисунках, в известных персонажах мультфильмов, в популярных историях, в литературе и в кино. Неожиданно эти хорошо известные символы начинают восприниматься с точки зрения кожи (кожа-броня, кожа как место для изящных или брутальных надписей, кожа, используемая для демонстрации и сокрытия чего-то и т. д.). Мы обнаруживаем это у Перро, Бальзака, Кальвино и Кафки. В самом деле нельзя не отметить богатство представления кожи в языке. В этом, очевидно, нет заслуги Хорхе, но то, что на самом деле является его заслугой, – это обилие примеров, раскрывающих подлинные сокровища нашего языка. Легко заметить, что постоянное упоминание кожи в хорошо известных и всем знакомых фразеологизмах подталкивает нас к контакту с собственным телом.

Чтение этой книги вовлекает наше собственное тело. Этот эффект совершенно отличен от того, что я испытываю, читая авторов, которые говорят об абстрактном, бестелесном теле, чуждом поговорок, шуток и детских песен, а также всего остального. Ощущение, которое я испытываю во время чтения, – ощущение присутствия собственного тела – весьма необычно. Я не знаю, является ли это следствием того, что говорит автор, или того, как он это говорит. И я склонен считать, что таков его психоаналитический способ сообщения нам о том, что в данном случае представляет собой тело и кожа.

Я бы не хотел обойти стороной настораживающий символический характер некоторых клинических примеров автора, который он приписывает симптомам и лечебным средствам. Возможно, это мое ощущение связано с тем, что мне не хватает огромного клинического опыта, которым обладает Хорхе. Но в любом случае, мне легче от осознания того, что с помощью этих смелых интерпретаций и вмешательств симптом и лечение встраиваются в смысло-

вую цепь. Мы уже говорили о том, что автор снова и снова решает задачу выбора имени и наделяет значением то, что почти для всех нас, по-видимому, является немым или непонятным (именно в силу отсутствия смысла или, лучше сказать, возможных смыслов).

В книге Хорхе читатель откроет для себя то, с чем некоторые из нас уже успели познакомиться в ходе его визитов в Мадрид и участия в работе Магистратуры по психоаналитической теории и психоаналитической психотерапии в университете Комплутенсе, – качество учителя. В связи с этим, я хотел бы прокомментировать то, как автор представляет свои идеи, двигаясь по спирали. Он вводит понятия постепенно, приводит клинические примеры, напоминает о предшествующих понятиях, добавляет новые, приводит еще больше примеров из других областей и т. д. Таким образом ему удается ввести нас в мир (мир кожи, ее природы и расстройств) необычайной сложности. Кажется, что этот дидактический метод отчасти мы воспринимаем уже во вступлении, когда автор перечисляет главы, которые будут либо теоретическими, либо клиническими. Эти главы не сгруппированы: какие-то помещены в начале, какие-то в конце, они чередуются в соответствии со стратегической линией.

Я всегда восхищался тем, как автор представляет в легкой и понятной форме трудные для понимания аспекты *«Проекта научной психологии»*, сложность понимания которых стала для многих психоаналитиков причиной критики и отвержения. Всякий раз, говоря о *«Проекте...»*, ему удастся уточнить его и сделать более доступным для читателей. Я отсылаю читателя, например, к любому из этих замечаний, разбросанных по всему тексту.

Еще одним аспектом его метода обучения является использование метафор, очень удачных с дидактической точки зрения. Я просто процитирую два примера: 1) «портняжное зеркало», предлагаемое в качестве иллюстрации символической системы, посредством которой субъект запечатлевает отражение, таким образом, оказывая влияние на образ тела; 2) другим примером является понимание печали как «разрыва» привязанности; он говорит о выскальзывающей руке падающего в пропасть человека, когда остается связь лишь с его образом, или, когда человек остается живым, пока он верит в то, что другой его видит. Эта идея, на мой взгляд, наводит на размышления, важные не только для понимания тех процессов, в которых тело и кожа «должны быть тем, что видит другой», но также для понимания аспектов процесса горевания в целом.

В отношении исследовательских способностей Хорхе отмечу только две вещи. С одной стороны, как уже говорилось ранее, мы знаем, что он всегда обращает внимание на частности, на особые обстоятельства каждого наблюдаемого им субъекта, но при этом он всегда ищет ссылки, которые позволят ему сделать обобщения. В этом смысле, например, он предлагает типологии, которые облегчают осмысление и последующее вмешательство. Эти типологии присутствуют в каждой главе, более того, они даже могут лечь в основу истинной классификации кожных заболеваний и страдающих ими пациентов.

Исследовательский интерес Хорхе привел его к разработке добросовестного метода апробации и оценки проблемы соматических пациентов, рассматриваемых с точки зрения проксемий. В результате то, что он говорит в шестой главе об аффективной дистанции, о формировании определенной пространственности, связанной с кожными заболеваниями, имеет свои эмпирические корреляты в уже упомянутом мною исследовании, совместную работу над которым мы надеемся продолжить в Университете Комплутенсе в Мадриде.

Я понимаю, что одним из самых значительных результатов многолетней работы Хорхе, а также важной причиной появления настоящей книги является предложение к участию в совместной междисциплинарной работе дерматологов и психоаналитиков. Я считаю, что в нашей области это предложение является весьма необычным и перспективным. Многие аналитики интересуются гетерогенной областью психосоматики, но лишь немногие (на самом деле я не знаю, имеются ли таковые) говорят о возможности установления тесных отношений между дерматологами и психоаналитиками. В последние годы этот аспект стал важной причиной его

пребывания в нашей стране, где разные команды дерматологов высоко ценят его помощь. Я считаю, что главы 11 и 12 (в особенности клинический случай, его анализ и междисциплинарные предложения Хорхе) являются превосходной демонстрацией этой междисциплинарной заинтересованности.

Не могу не упомянуть о терапевте. В своей клинической работе, благодаря замечательному сочетанию осмотра и слушания, Хорхе все время пытается связать симптомы пациента нитями смысла, тем самым содействуя процессу, который, будучи построен на твердой теоретической основе, имеет ясную терапевтическую цель. Читатель, имевший терпение дочитать до этого места, может убедиться в том, что не только дружба была причиной написания этого предисловия, он может теперь, как и я, порадоваться хорошей книге, написанной из интереса, пробуждаемого секретами, несчастьями, переживаниями людей и достойного слов Бальзака, которыми открывается книга.

*Херардо Гутьеррес
Директор Магистратуры по психоаналитическим методам психотерапии,
Университет Комплутенсе (Мадрид)*

Введение

С тех самых пор как я решил изучать медицину, меня интересовал ее гуманистический аспект. Мне очень повезло, потому что, когда я начал учебу, администрация Школы медицины впервые решилась на что-то, о чем всегда говорили, но никогда не пытались исправить; речь идет о том, что для студентов-медиков неправильно начинать изучение анатомии с трупов.

С самого начала первого года учебы нас обязали работать в больнице в качестве медсестер и медбратьев, благодаря чему мы с самого начала пытались устанавливать контакт с пациентами. Таким образом, я увидел роды задолго до вскрытия. Я учился делать уколы непосредственно в ягодичу, а не в апельсины или подушку. В то же время нахождение рядом с пациентами приблизило меня к человеческим страданиям и дало понимание того, что в больничных палатах легкие переполнены слезами, которые изливаются внутрь, что в тела пациентов вторгаются не только клетки, но также злые родственники, что когда кожа пациентов жжет и зудит, она таким образом жаждет объятий. Я также понял, что больные выздоравливают, но потом возвращаются, потому что, если их печень, разрушенная алкоголем, может восстановиться, то их распавшиеся семьи, умершие родственники, которые не были оплаканы должным образом, их заброшенные дети уже никогда не восстановятся. В этом случае их печень разрушается алкоголем снова. Больница является местом, где происходят как трагедии, так и чудеса, куда многие люди идут за излечением, но есть много других людей, которые идут за наказанием. Это место, где пациенты не могут, и не должны подвергать сомнению лечение, потому что это было бы интерпретировано как «предпочтение» ими болезни. Возможно, поэтому я посвятил всю свою профессиональную жизнь психосоматике, пытаюсь понять заболевания как особые переживания, которые вписаны в виде отдельных глав в людские истории жизни. Случайно или в силу какой-то мне неизвестной причины мой интерес к психосоматике привел меня в отделение дерматологии, где врачи очень часто обращались за междисциплинарными консультациями. И поскольку кожа является эрогенной зоной *par excellence*, она также является входом и выходом для многих эмоций и ситуаций, которые оставляют на нас свои отметины.

Эта книга – результат более чем пятнадцатилетней работы с дерматологами и с пациентами, имеющими кожные заболевания, в частности, псориаз. Как это обычно бывает в междисциплинарной работе, особую трудность вызывает поиск общего языка и пробуждение у коллег из разных областей интереса к общим для всех нас вопросам. В этой связи какие-то главы этой книги будут представлять интерес почти исключительно только для психоаналитиков и психотерапевтов. Другие главы, которые тоже ориентированы в область психологии, но более легко читаемы и относятся скорее к клинической работе, будут более интересны врачам и дерматологам.

В первой части книги, которая похожа на эссе, я попытался исследовать и обобщить все ссылки, найденные мной в работах Фрейда, Дидье Анзье и других аналитиков. Я говорю главным образом о первых трех главах: «Кожа в работах Фрейда», «Дидье Анзье: Я-кожа» и «Вклад других психоаналитиков и психиатров в решение проблемы кожи и психоанализа». Это не просто резюме, но «путешествия» по тем дорогам, которыми следовали разные авторы. Двигаясь по этим дорогам, я словно наблюдаю пейзаж за окном, я перемежаю это движение собственными комментариями, предлагаю примеры из собственной клинической практики и пытаюсь проиллюстрировать и разъяснить идеи каждого автора с помощью цифр, графиков и фотографий, которые я счел достаточно показательными. В некоторых местах мне с трудом удавалось отделять собственную интерпретацию авторских текстов от моих более ранних размышлений. Этим объясняется то, что даже там, где нет дословного цитирования, я использую библиографические ссылки, характерные для дословных цитат (автор, год и номер страницы). Я сделал это специально, чтобы читатель, особенно заинтересованный определенной темой,

мог легко найти те исходные идеи, из которых произошли мои размышления, они часто выходят за рамки того, о чем говорил автор рассматриваемого произведения.

В книге есть также теоретическая часть, в которой я попытался проанализировать с психоаналитической точки зрения глубинное содержание современных теоретических представлений о коже, добавив вклады других дисциплин, таких как теория привязанности и проксемика. Эту часть можно найти главным образом в главах 4, 6, 8 и 10: «Кожа и уровни символизации: от Я-кожи к мыслящему-Я», «Размышления о привязанности», «Образ тела и психосоматические закономерности детства. Медицинская реклама, связанная с кожей»; и «Рассказ Франца Кафки „В исправительной колонии“: Супер-Эго и кожа». Главы, посвященные главным образом клиническим случаям, также содержат теоретические соображения о коже и взоре, о симбиотических отношениях и многих других интересных темах.

Наконец в книгу включена также клиническая часть, которая неявно присутствует во всех главах, но особенно – в главах 5, 7, 9, 11 и 12: «„Мне это помогает“: эффективность символов и эффект плацебо», «Случай г-на Кирона», «Патомимии: поражения на коже, вызванные самоповреждением», «Взаимосвязь между тем, что слышит психоаналитик, и что видит дерматолог» и «Псориаз: Отец, разве ты не видишь, – я горю! (Кожа и взор)». Я полагаю, что главы 5, 6, 9 и 11 будут особенно интересны тем, кто хотел бы работать междисциплинарно: это могут быть клиницисты, дерматологи или врачи, посвятившие себя другим специальностям.

Я хотел бы подчеркнуть, что клиническая работа является моей главной целью. Любые мои усилия по написанию этой книги будут напрасны, если они не будут способствовать пониманию, интерпретированию, сопровождению и смягчению страдания, переживаемого пациентами в своей душе и отображающегося на их коже. Это страдание, подобно психическому страданию, минимизируется всеми средствами и может быть понято только теми, кто испытал его или, по крайней мере, теми, кто анализировал его, не ограничиваясь одним только поверхностным любопытством.

Я надеюсь, что проделанный мною путь окажется полезным для других «путешественников», и даже если какие-то из этих путей ведут в никуда, мы должны помнить, что удовольствие от путешествия зависит не от одного только достижения конечного пункта назначения. Каждый год, когда я посещаю Гранаду для проведения семинара по психосоматике, между семинарами я люблю блуждать по Albaicín, старому Аравийскому району с лабиринтом узких улочек. И если бы однажды я не заблудился так, что не смог найти путь назад, я бы так никогда и не обнаружил маленький парк (название которого я не могу вспомнить) с небольшим балконом, с которого открывался один из чудеснейших видов на Альгамбру, не заслоняемую туристами.

Глава первая. Кожа в работах Фрейда

В ряде работ Фрейд прямо указывает на свойства кожи и даже заходит так далеко, что придает ей статус «эрогенной зоны *par excellence*», он говорит о коже не только как об органе, не только о ее эротизме, но также о функциях и заболеваниях кожи, о вызываемых ею влечениях, о прикосновениях и их значимости, о контакте в целом и о связанных с ним инфекциях, о взаимосвязи кожи и идентичности и, наконец, об Эго и функциях установления границы, покрова, защиты и восприятия. Все эти упоминания о коже и ее функциях будут систематизированы в следующих разделах:

- Кожа как эрогенная зона.
- Связь кожи и ее функций с бессознательным.
- Потребность в прикосновениях и кожа как источник и объект этой потребности.
- Контакт как основная идея. Контакт и инфекция.
- Кожа как кортикальный слой: функции установления границы, покрова, защиты и восприятия.
- Указания на кожные заболевания, их интерпретация или артикуляция связи с психическими фактами.

Все эти темы, как правило, не исключают друг друга; некоторые цитаты и соображения могут быть отнесены более чем к одному разделу. Тем не менее легко заметить, что организация информации по различным разделам есть просто дидактический прием, цель которого – прояснить и облегчить чтение, а также расширить поле анализа. Раскрывая каждый из разделов, мне важно было вывести на первый план основную тему, переформулировать некоторые цитаты из работ Фрейда, а также отметить ряд соображений, возникших в ходе теоретического рассмотрения. Кроме того, я рассмотрю клинические случаи и примеры, которые, как мне кажется, имеют место при изучении этих тем в клинической практике и в повседневной жизни.

Кожа как эрогенная зона

Согласно Фрейду, кожа является эрогенной зоной *par excellence* (Freud, 1905a, p. 169). Эта гипотеза вытекает из психоаналитической клинической практики, главным образом из исследования истерии, хотя Фрейд также ссылается на эту тему, анализируя повседневную жизнь, а также обсессивные неврозы и психозы. В повседневной жизни, представление о коже как о привилегированной эрогенной зоне возникает в ходе исследования инфантильной сексуальности и выражения аффекта.

Исследование инфантильной сексуальности

Изучая жизнь младенца, Фрейд обнаружил, что кожа может возбуждаться или сама может являться источником сексуального возбуждения в результате различных воздействий, таких как:

- подмывание и подтирание ребенка при пользовании туалетом (Freud, 1905a, p. 187);
- воздействие глистов, грибка и ран (ibid., p. 188);
- ритмичное механическое встряхивание тела (ibid., p. 201);
- возня или борьба со сверстниками (ibid., p. 202);
- аутоэротическое действие, связанное с сосанием пальца (ibid., p. 179–180);
- выражение эмоций (Freud, 1905b; p. 286);
- телесные наказания и болезненная стимуляция (Freud, 1905a, p. 193);
- тесный контакт с телом матери (Freud, 1909a, p. 111);
- тепловые раздражители (Freud, 1905a, p. 201);
- воздействие взгляда, под которым кожа – это объект (ibid., p. 169);
- конституциональная локализация удовольствия, получаемого от кожного контакта, а также от разных зон эпидермиса, вызывающих определенное количество удовольствия, связанного с возбуждением, характерным для аффективных состояний (Freud, 1907, p. 133; 1909a, p. 111);
- инстинктивное побуждение к установлению контакта с другим или потребность в контакте кожей (Freud, 1905a, p. 169 [сноска]; 1909a, p. 111).

Читателю, не знакомому с психоанализом, нужно пояснить, что все вышеупомянутые переживания становятся источником сексуального возбуждения, поскольку они приводят к усилению возбуждения (Фрейд называл это эрогенностью), для которого биологические потребности – отнюдь не исключительная область его проявлений, хотя сексуальность является не целью такого усиления возбуждения, а частью того, что Фрейд называл общим течением полового влечения.

Исследования истерии

Понятие эрогенной зоны возникло, когда Фрейд назвал «истерогенной зоной» ту область тела, стимулирование которой вызывало истерический приступ. «Значимость эрогенных зон как аппаратов, подчиненных гениталиям, и как их субституты среди всех психоневрозов наиболее четко можно видеть при истерии; но это не означает, что эта значимость меньше при других формах заболеваний» (Freud, 1905a, p. 169)¹. При истерии ощущение кожей давления или боли может соответствовать мыслям, пробуждаемым или возбуждаемым физиче-

¹ Все цитаты из работ Фрейда приводятся по: Strachey J. Standard Edition.

ским контактом. Ощущение контакта или участок кожи может стать местом сосредоточения и отправной точкой истерических болей в силу их ассоциативной связи с «интерпретируемыми» (Freud, 1883–1895) воспоминаниями и чувствами, связанными с сексуальным желанием, которое может быть либо у самого индивидуума, либо у кого-то еще. Это может быть одной из причин его последующего вытеснения. Благодаря такой «интерпретации» хранящихся в памяти ощущений контакта, в бессознательном происходит уравнивание контакта в целом и полового или генитального контакта (Freud, 1883–1895). Таким образом, истерический приступ похож на непосредственное действие инфекции, потому что, прикасаясь к истерогенному месту, мы провоцируем произвольную реакцию: мы пробуждаем воспоминания, которые, в свою очередь, вызывают целый ряд событий и идей, связанных с сексуальностью (Freud, 1896).

Эрогенные зоны – в частности, относящиеся к ним слизистые оболочки – могут вести себя как гениталии и при половом возбуждении могут быть источником новых ощущений, «изменений в иннервации» или таких процессов, которые даже сравнимы с эрекцией.

Хотя лучше всего этот феномен распознается при истерии, неврозами он не исчерпывается и может быть также обнаружен при других заболеваниях; «просто в других случаях это явление менее узнаваемо (чем при истерии), ибо тогда (при обсессивном неврозе и паранойе) формирование симптомов происходит в тех областях психического аппарата, которые в большей степени удалены от центров, отвечающих за соматический контроль» (Freud, 1905a, p. 169).

Мария, пациентка, поступившая в больницу общего профиля, страдает от хронической язвы на одной из ее конечностей. Меня пригласили принять участие в совместной консультации, поскольку ее лечащих врачей беспокоило неблагоприятное развитие состояния. Пациентке 46 лет, она – девственница, страдает ожирением, характер – инфантильный. Она всегда хотела стать балериной. Ее отец был фармацевтом, заботился о ее здоровье и опробовал на ней некоторые новые лекарства, появляющиеся на рынке. Однажды, когда ей было 13 лет, она повредила ногу во время танцевального выступления; отец лечил рану, опробуя новые антисептики и перевязочные материалы.

Посреди интервью в палату вошла медсестра, чтобы сделать перевязку; я решил остаться и посмотреть, как она это будет делать. В момент, когда медсестра наложила на рану антисептик, который стал жечь, пациентка откинула голову назад и с выражением явной радости и боли воскликнула: «Аааа! Это кайф!». Потом я вспомнил фрейдовское определение истерии как патологии, при которой преобладает обращение аффекта в свою противоположность. Хотя он имел в виду появление отвращения там, где должно было быть сексуальное возбуждение, мы аналогичным образом можем рассматривать как обращение аффекта реакцию, внешне выглядящую как оргазмическая там, где имеет место боль. Другими словами, было очевидно, что язва представляла собой такое поражение на коже, которое вело себя подобно женским гениталиям.

Обсессивный невроз

При обсессивном неврозе значимость эрогенных зон в качестве суррогатов гениталий не столь очевидна, как при истерии. Тем не менее анальная зона играет доминирующую роль. Что касается остальной части кожи, то новые цели, создаваемые влечениями чрезвычайно своеобразны. Мы знаем, что компоненты боли и безжалостности в половом инстинкте, для

которых соответствующей эрогенной зоной является кожа (Freud, 1905a), имеют первостепенное значение.

Психоз

Шребер считает свою кожу гладкой и мягкой, что типично для женского пола, и, сдавливая любую часть своего тела, он может ощущать у себя под кожей женские «нервы сладострастия», особенно, если в момент сдавливания он думает о чем-то женственном. Это означает, что сдавливание или какое-либо иное воздействие на кожу придает этому действию значение изменения пола. Это важно, поскольку мужчины с кожными заболеваниями должны, как женщины, использовать кремы, а женщины для того, чтобы скрыть повреждения на коже, как правило, перестают использовать женскую одежду и начинают носить «мужскую» (например, в случае псориаза: брюки, длинные рукава, рубашки с воротником и т. д.).

Выражение эмоций

Кожа тесно связана также с выражением эмоций. Фрейд утверждает, что из всех прочих физических изменений, являющихся частью выражения эмоций, кровенаполнение кожи является примером воздействия психического на организм (Freud, 1905b, p. 286). Кроме того, как видно в следующем списке, есть способы выражения, в которых указание на кожу используется в качестве ссылки на эмоции. Вот несколько указаний на кожу или на вызванные кожей чувства, используемых для выражения идей, обобщенных следующим утверждением: кожа служит выражением эмоциональных настроений:

- Страх, волнение или шок: *У меня мурашки по коже* (пилоэрекция);
- Недоумение: *Я застыл, я онемел* (сужение сосудов и бледность);
- Смушение: *Я покраснел* (расширение кровеносных сосудов лица);
- Ярость: *Я покраснел от гнева* (расширение кровеносных сосудов);
- Повышенная чувствительность и раздражительность: *Горячиться*;
- Нервозность или страх: *Мои волосы встали дыбом* (пилоэрекция).

Кожа как средство выражения характера контакта:

- Абстрактный контакт: *«Носиться с идеей», лелеять или играть с идеей, или наслаждаться идеей*;
- Эмоциональный контакт: *Это тронуло мое сердце*;
- Агрессивный контакт: *«Касание!»* (Используется в фехтовании); ткнуть пальцем в кого-то;
- Сексуальный контакт: *Целоваться и обниматься, сойтись с кем-то, щупать кого-то, ласкать, обнимать*;
- Социальный контакт: *Быть тактичным, иметь социальные льготы, избегать любых соприкосновений* (с законом).

Экспрессивная функция пота:

- *Потеть над чем-то* (работать или добиваться в чем-то успеха с большим трудом);
- *Досл.: В поте нутра своего* (очень тяжело работать).

Экспрессивная функция рук:

- *Жесткая рука* (строго контролировать что-то);
- *На руках* (как карты на руках);
- *Схватить на чем-то за руку* (поймать за провинность);

- *Рукопашный бой* (противники находятся на близком расстоянии друг от друга);
- *Исполнить желание*, «прикоснуться к небу руками», «мечта ставшая реальностью».

Кожа, как символ идентичности:

- *Любить* (или не любить) конкретного человека; *втирать кому-то что-то неправильное*;
- *«Оказаться в шкуре Иуды»*, Иуда предатель; *«шкура дьявола»*;
- *Кожа и кости* (чрезвычайно худой);
- *Спасти свою шкуру* (спасти свою жизнь);
- *Разобрать кого-то по кусочкам* (сплетничать о ком-то).

Кожа как выражение идентификации:

- *«Хотелось бы/не хотелось бы оказаться в вашей шкуре»*, оказаться в положении другого человека.

Экспрессивная функция волос:

- *«Он теряет волосы, но не свои уловки»*; *Старого пса не обучить новым трюкам*;
- *«Бросать седые волосы на ветер»*, разбрасываться предостережениями (делать что-то запретное или опасное, используется, как правило, в сексуальном смысле);
- *Это стоило мне нескольких седых волос* (что-то вызывает проблемы или беспокойство).

Кожа как выражение защиты или отсутствия таковой:

- *«Нужно быть жестче»* или *«загубеть»* (приобрести опыт, чтобы не быть чувствительным и уязвимым);
- *«Она настолько хрупкая, что вам можно только смотреть на нее, но не прикасаться»* (Так говорят о тех, кто очень хрупок, все время на что-то жалуется и постоянно напряжен);
- *Где кулак, там и кость* (так говорят о чем-то, что другой расценивает как очень болезненное);
- *Быть раздавленным, «лишиться кожи»* (быть чрезвычайно чувствительным, ощущать себя лишенным кожи, чувствовать себя ранимым);

В заключение, вот некоторые цитаты из Фрейда, имеющие отношение к коже как эрогенной зоне и к эротической функции контакта, которые могут быть полезны читателю, интересующемуся данным вопросом:

1. Сосание пальца появляется уже в раннем детстве и может продолжаться в зрелости или даже сохраняться всю жизнь. Оно заключается в ритмичном повторении сосательного контакта ртом (или губами). Речь не идет о процессе приема пищи. Часть самой губы, языка или любой другой доступной части кожи – даже большой палец ноги – могут быть использованы в качестве объекта, с которым реализуется сосание (Freud, 1905a, p. 179–180).

2. Сексуальные проявления этой эрогенной зоны, относящейся к действительным половым частям, составляют начало позднейшей «нормальной» половой жизни. Благодаря анатомическому положению, раздражению выделениями, мытью и вытиранию при гигиеническом уходе и благодаря определенным случайным возбуждениям (вроде вползания кишечных паразитов у девочек) ощущения удовольствия, которые способны давать эти части тела, неизбежно обращают на себя внимание ребенка уже в младенческом возрасте и будят потребность в их повторении. Если окинуть взором всю совокупность имеющихся приспособлений и если принять

во внимание, что мероприятия для соблюдения чистоты едва ли могут действовать иначе, чем загрязнения, то нельзя будет отказаться от взгляда, что благодаря младенческому онанизму, от которого вряд ли кто-нибудь свободен, утверждается будущий примат этой эрогенной зоны в половой деятельности. Действие, устраняющее раздражение и дающее удовлетворение, состоит в трущем прикосновении рукой или несомненно рефлекторном давлении сжатыми вместе бедрами. Последний прием применяется чаще всего девочками. У мальчика предпочтение, оказываемое руке, указывает уже на то, какое значительное добавление к мужской половой деятельности привнесет в будущем влечение к овладению (*ibid.*, p. 187–188).

3. Но многие рассказывают как несомненный факт, что первые признаки возбужденности в гениталиях они пережили во время драки или борьбы с товарищами; при этом положении, однако, помимо общего мускульного напряжения, оказывает действие также прикосновение на большом протяжении кожи к противнику (*ibid.*, p. 202–203).

4. Самая далекая от сексуального объекта зона, глаз, при условиях ухаживания за объектом оказывается чаще всего в таком положении, что возбуждается тем особым качеством возбуждения, повод к которому в сексуальном объекте мы называем красотой. Процессы сексуального объекта называются поэтому также «прелестями». С этим раздражением, с одной стороны, связано уже наслаждение, с другой стороны – следствием его является то, что сексуальная возбужденность повышается или вызывается. Если присоединяется возбуждение другой эрогенной зоны, например, нащупыванием руки, то получается такой же эффект, – с одной стороны, ощущение наслаждения, усиливающееся сейчас же благодаря наслаждению от изменений «готовности», а с другой стороны – дальнейшее усиление сексуального напряжения, скоро переходящего в вполне определенное неприятное чувство, если ему не дается возможность доставлять еще наслаждение. Более ясен может быть другой случай, например, когда у сексуально не возбужденного лица прикосновением раздражают эрогенную зону, хотя бы кожу на груди у женщины. Это прикосновение вызывает уже чувство наслаждения, но одновременно больше, чем что бы то ни было, способно разбудить сексуальное возбуждение, требующее нарастания наслаждения. В этом-то и заключается проблема: как происходит, что ощущаемое наслаждение вызывает потребность в еще большем наслаждении (*ibid.*, p. 209–210).

5. При неврозе навязчивости самым замечательным становится значение импульсов, создающих новые сексуальные цели и, как кажется, независимых от эрогенных зон. В наслаждении от подглядывания и эксгибиционизма глаз соответствует эрогенной зоне; в составе боли и жестокости сексуального влечения ту же роль берет на себя кожа, которая в отдельных местах тела дифференцируется в органы чувств и модифицируется в слизистую оболочку как эрогенная зона *par excellence* (*ibid.*, p. 169).

Связь бессознательного с кожей и с ее функциями

Одним из этапов анализа отношений между кожей, бессознательным и их функционированием может быть изучение *«Толкования сновидений»*, *«Тотема и табу»* и работ по групповой психологии (в частности, по феномену идентификации) и фетишизму.

Мы знаем, что деятельность бессознательного опосредствована механизмами конденсации и смещения, возникающими между предметным и словесным представлениями, кроме того, мы привыкли полагать, что эти артикулируемые мысли и фантазии могут прорабатываться только психическим аппаратом. Вместе с тем существует большое количество гипотез в рамках психоаналитической теории, опираясь на которые, Фрейд утверждал, что соматическое может переплетаться с миром представлений, используя те же механизмы, что и представления: например, когда он критически исследует научную литературу по сновидениям, обусловленным соматическими стимулами и соматическими источниками сновидений; когда он описывает переживание удовлетворения и переживание боли; когда он развивает концепцию влечений; или когда он описывает Ид. Эти утверждения он также выдвинул на передний план в своей теории о чувствах, не способных быть бессознательными, которые могут иметь свой «иннервационный ключ» в бессознательных представлениях (Freud, 1900b; Chiozza, 1980; Ulnik, 1990, 2002). Мы не должны забывать, что в письме Гроддеку в 1917 г. Фрейд писал, что «бессознательное действие оказывает глубокое пластическое влияние на соматические процессы, недоступные ни одному сознательному акту» (Freud, 1915b, прим. 6).

С этой точки зрения, можно сказать, что ассоциативные связи сознания, – даже несмотря на то, что они были введены ради возможности ссылаться на отношения между представлениями, – могут включать в себя также и физический контакт, делая его звеном единой мыслительной цепи. Именно поэтому две части тела одного человека или разных людей могут мысленно связываться после того, как между ними произошел физический контакт. Ассоциативные законы, которым они подчиняются, могут быть теми же, что управляют бессознательными репрезентациями. Например, девушка может предстать перед своими друзьями в ореоле нарциссизма от одного только прикосновения рукой к своему рок-кумиру. Она может отказываться мыть эту руку, как будто желая превратить прикосновение в несмыslaемую татуировку.

Всего лишь одного физического контакта может оказаться достаточно, чтобы возродить или пробудить не только ощущение возбуждения, идеи и прошлые воспоминания, но также и новые ассоциации. В бессознательном возможно уравнивание невинного контакта и полового контакта. Отсюда выражение «ткнуть (в кого-нибудь) пальцем», которое буквально означает контакт пальцем, может быть истолковано как эротическое намерение.

Толкование сновидений

Усиливающая и деформирующая мощь, с которой сновидение «задействует» тактильные раздражители, является доказательством существования того, что бессознательно ощущается на уровне отношений при столкновении с каждым стимулом сближения или разделения, а на физическом уровне – при каждом контактном стимуле, будь то ласка, першение, щипок, укол, сдавливание, боль, тепло или холод. В примерах, приведенных Мори и цитированных Фрейдом при изучении им научной литературы по сновидениям, можно видеть, что на бессознательном психическом уровне небольшой кожный стимул может уравниваться с полным разделением, или наоборот, считаться гомологичным жестокости, сближению, сдерживанию, интрузивному вторжению и т. д. Цитируемые Фрейдом примеры Мори парадигматичны:

Ему щекотали перышком губы и кончик носа. Во сне он видел страшную форму пыток: на его лицо накладывается маска из смолы и затем снимается вместе с кожей.

Ему слегка пощипывали шею. Во сне он видел, как ему ставят горчичники, и думал о враче, который лечил его в детстве.

К его лицу подносили горячий, утюг. Во сне он видел, как водители проникли в дом и принудили обитателей дома отдать деньги, поджаривая им ноги в мангале с горячими углями (Freud, 1900a, p. 25).

Во сне, простое ощущение першения, пощипывания, тепла на коже, чувство сближения с кем-то, отделение или контакт переводится, переписывается и интерпретируется как отчуждение, жестокость, сближение, объятие, агрессия или отделение кожи. Это может быть объяснено связью между прикосновением и побуждением к жестокости, переживанием контакта как утраты защитного барьера от стимулов, а также переживанием сепарации как утраты общей со значимым другим кожи, охватывающей их обоих.

В своей работе «Инфантильный материал как источник сновидений» (Freud, 1900a, p. 189) Фрейд обращается к собственному сновидению, которое побуждает его связать чешуйки эпидермиса со смертью. В этом сновидении, которое он назвал «сновидением о Судьбе», он надевает пальто на меху, после чего встречает трех женщин. Одна из женщин потирает руки, как будто замешивает тесто для пельменей. Анализ сновидения обнаруживает, что эта женщина представляет собой образ матери Фрейда, которая в детстве пыталась поговорить с ним о смерти. Потиранием рук она показала ему отслаивающиеся черноватые чешуйки эпидермиса, символизирующие то, что все мы созданы из праха, и подтверждающие то, что «ты – прах и в прах вернешься», что «ты всем обязан природе смерти» (Freud, 1900a, p. 205)².

Связывая элементы этого сновидения, затрагивая таким образом самые фундаментальные вопросы личности, сексуальности и смерти, Фрейд утверждает, что мы чувствуем близость нам нашего собственного имени так же, как мы чувствуем близость собственной кожи, и тем самым неявно подчеркивает неразрывную связь кожи и идентичности. Во сне кожа представлена руками матери, ее черноватыми чешуйками эпидермиса, а также пальто.

Слова матери пробудили во Фрейде сыновний комплекс, поскольку она говорила о рождении человека и о его смерти. На Фрейда повлияли события, связанные с шутками вокруг его имени, которые сработали как дневные остатки. Его сыновние привязанности обсуждались и высмеивались, так что этот вопрос в тот момент был актуален для него.

Несмотря на желание матери на живом примере объяснить сыну теорию происхождения, Фрейд в детстве был явно не готов усвоить это объяснение. Вместо этого образ чешуек эпидермиса сработал как «преждевременный образ» (по Назьо), т. е. как образ, который производит на ребенка впечатление, выходящее за пределы его рецептивных способностей усваивать и осмысливать то, что он видит. Такого рода переживания действуют как «потусторонний зов», побуждая человека отвечать, несмотря на то, что для ответа у него нет абсолютно никаких средств. Когда нам не хватает слов или воображения, чтобы ответить на такого рода «зов», может появиться органическое поражение, как это происходит, например, когда мы получаем неожиданное и несправедливое уведомление о сокращении, когда нас призывают соответствовать роли, с которой мы не в состоянии справиться, или когда мы сталкиваемся с огромным потоком новостей, которых мы не ждали.

В этом сновидении чешуйки эпидермиса (о которых говорит сам Фрейд) образуют связь с психическими представлениями. Они превращаются в символ кастрации и смерти (Freud, 1900a), поскольку всякий объект, отделяющийся от тела, снова и снова обнаруживает факт

² Согласно Стрейчи, это цитата из Шекспира.

нашей уязвимости и, следовательно, нашу смертность и одновременную принадлежность к роду.

Хотя это сновидение вполне могло быть названо «сновидением о пельменях» (мать Фрейда лепила пельмени), Фрейд ассоциировал это слово с фамилией университетского профессора Knoedl («пельмень»), которому он был обязан своими познаниями в гистологии кожи, – сам Фрейд называет свой сон «сновидением о Судьбе», поскольку это название больше соответствует сверхъестественному эффекту, произведенному сном. Представители судьбы парки (мойры) – это три мифические сестры, они прядут и пропускают через свои руки жизни смертных. Они держат в своих руках, соответственно, рождение, брак и смерть, и они отмеряют жизнь каждого человеческого существа нитью, которую выпрядает первая сестра, навивает вторая и отрезает, когда придет время, третья сестра. Эти три божества зовутся Клото, Лахесис и Атропа. Дочери ночи, они дают во владение смертным добро и зло и наказывают людей и богов за проступки. Гесиод утверждает в *«Теогонии»* (Bozal, 2002), что гнев богинь ужасен, когда они обрушивают его на всех грешников, прежде чем исполнить свое жестокое наказание. Три женщины часто появляются в сновидениях, например, в сновидении об инъекции Ирме.

Ввиду сомнения в идентичности и интересу к появлению человека на свет, вероятно, объяснения матери и демонстрация ею рук с черноватыми чешуйками эпидермиса могли вызвать у Фрейда не только тревогу, но и переживание того, что его жизнь в руках матери, представляющей подобно Клото на картине Гойи, держащей в руках маленького человечка, связанного по рукам ею самой. Судьбу, ожидающую этого человека, хранит Атропа, судьба неотвратима, поскольку «ты обязан Природе смертью». Вполне возможно, что если бы Фрейд не создал этот сон, он бы страдал тогда от поражения в каком-нибудь органе.

Это критически важный вопрос в дерматологической клинической практике, так как ответ на него может объяснить тревогу, столь обычную почти для всех людей, связанную с потерей чешуек эпидермиса. Эта тревога может быть связана не столько с «заимствованным» значением некоего уравнивания потерянной кожи с фекалиями или с любым другим догенитальным объектом, сколько с более верным значением, согласно которому качество отслаивания и падения, статус сброшенной кожи как «утраченного объекта» плюс подразумеваемая биологическая реальность (последний слой кожи образован мертвыми клетками) придают чешуйкам значение объекта влечения с тем же символическим и эрогенным уровнем фекалий, груди или мочи.

Вот вопрос, который наполнял тревогой пациентку, страдающую псориазом: она дошла до отчаяния, когда заметила, что колония муравьев обосновалась в ее ванной комнате, муравьи питались чешуйками эпидермиса, она обмерла. Ей представилось, будто она смотрит на то, как насекомые пожирают ее тело, – чешуйки эпидермиса воспринимались ею как своего рода «останки».

Другой пациент испытал приступ тревоги и плача, когда зашел в кабинет (где он три раза в неделю посещал сеансы фототерапии) и увидел чешуйки эпидермиса на полу, – свидетельство того, что до него здесь был другой пациент. Медсестра, которая обычно присматривала за ним, в тот день отсутствовала, поэтому тревога его и жалоба на неряшливость замещавшей медсестры сначала интерпретировались как реакция на отвержение – его расстроило отсутствие медсестры-матери, которая всегда присматривала за ним. Пациент упорно отрицал влияние на него этого факта, приписывая мучительное травматическое воздействие самим чешуйкам эпидермиса. К всеобщему удивлению, на следующую сессию он пришел с сильнейшим конъюнктивитом, появление которого он связывал с созерцанием чешуек

эпидермиса. Когда же, наконец, было признано, что, по-видимому, в чешуйках эпидермиса, действительно было что-то волнующее его, он вспомнил, что его мать, которая страдала от псориаза, не позволяла себе принять помощь; она отказалась от консультаций и лечения и по всему дому все время оставляла после себя чешуйки эпидермиса, свидетельствовавшие о ее присутствии и болезни. Созерцание чешуек стало резким свидетельством присутствия больного тела матери, которая не позволяла себя лечить (этот пример упоминается также в главе 11).

Тотем и табу

Изучение «*Тотема и табу*» позволяет углубиться в психологические механизмы магии и мифологических верований. Это именно то, с помощью чего мы можем оценить наиболее ясно то, что контакт между двумя людьми – это контакт двух представлений и что именно в таком виде этот контакт прорабатывается посредством бессознательных механизмов. В той же мере, в какой ассоциации или «контакт» между представлениями является первостепенно значимым в психическом функционировании, в социальной сфере первостепенно значимым оказывается заражение и контакт между людьми и вещами. «*Тотем и табу*» Фрейда главным образом будет анализироваться в контексте проработки вопросов контакта, заражения и влечения к прикосновению. Тем не менее в данном разделе будут также рассматриваться некоторые общие идеи, касающиеся кожи и функционирования сознания.

Отчеты и описания различных действий, превращающих индивида в табу, основаны на некоем контакте, будь то любовь или агрессия:

Среди *Monumbos* из немецкой Новой Гвинеи считается, что всякий убивший на войне врага становится, таким образом, «нечистым» <...> Он ни к кому не может прикоснуться, – даже к своей жене и детям (Freud, 1912–1913, p. 40).

<...> Всякий, кто прикоснулся к умершему вождю, становится нечистым на десять месяцев (ibid., p. 52).

Закон, действующий в мифологии, согласно которому почитаемое когда-то становится отвергаемым и презираемым после победы над ним (Freud, 1912–1913), также может быть применен и к коже, поскольку атавистическое отвержение, перенесенное пациентом с кожным заболеванием и качество нечистоплотности, приписываемое ему в силу зримости его поражений, – это всего лишь противоположность кожи былых времен, когда ей были присущи безупречность, привлекательность и трогательность: кожа ребенка, кожа юности, кожа женщины, кожа наготы. Чем безупречнее кожа как идеал или как источник шарма и сексуальной привлекательности, тем непристойнее оказывается болезнь. В магии порчи, основой которой является ассоциация по смежности, происходит следующее:

Вещи становятся менее важными, нежели идеи этих вещей: все, что происходит с последними, неизбежно происходит и с первыми. Подразумевается, что отношения, поддерживаемые между идеями вещей, в равной степени поддерживаются и между самими вещами. Поскольку мышлению безразлично расстояние, поскольку далекое во времени и пространстве может без труда постигаться в одном акте сознания, мир магии (в силу телепатичности) безразличен к пространственной удаленности и имеет дело с прошлым так же как с настоящим. В анимистическую эпоху отражение внутреннего мира затмевает любую другую картину мира, рассматриваемую нами как результат восприятия.

Следует также отметить, что оба принципа ассоциации – сходство и смежность – включены в более общее понятие «контакт». Ассоциация по смежности – это контакт в буквальном смысле; ассоциация по сходству – это контакт в метафорическом смысле. Использование одного и того же слова для обозначения двух типов отношений, вне всяких сомнений, обусловлено некоей тождественностью определенных психических процессов, которых мы еще не поняли. В данном случае мы имеем тот же диапазон значений идеи о «контакте», какой мы уже обнаружили в нашем анализе табу (Freud, 1912–1913, p. 85).

Процессы идентификации посредством кожи в работах «Тотем и табу» и «Групповая психология»

Внешнее уподобление кому-то другому является примитивной формой идентификации (Freud, 1921), это особое отношение между идентификацией как психическим фактом и материальным действием покрытия себя кожей объекта идентификации. Языковыми средствами это выражается как «оказаться в шкуре другого» (To be in someone else's shoes).

Контакт еще более подчеркивает тесную связь с идеей дублирования, имитации, заражения и передачи атрибутов от одного *Я* другому или от одного тела к кому-то еще. Отсюда идея, что идентификация – это своего рода контакт, равно как и то, что контакт – это своего рода идентификации (Freud, 1912–1913). Все зависит от направления, в котором прослеживается вектор их объединения. В свою очередь, либидинальная связь, которая в случае идентификации достигается посредством интроекции объекта в *Я*, в более примитивных вариантах достигается посредством обертывания *Я* в объект, и в этих примитивных вариантах кожа оказывается тем самым охватывающим фактором, поскольку она одновременно является также рецептором охватывания. Такой вид дублирования или имитации может мыслиться как особая разновидность идентификации, которую мы можем обозначить термином мимикрическая. Разные авторы по-разному описывают эти механизмы, обозначая их разными именами, но во всех рассматриваемых случаях они ссылаются на одни и те же явления.

Дональд Мельцер называет это адгезивной идентификацией, описывая пациентов, которые с трудом выстраивают понятие замкнутого пространства. Эти пациенты формируют двумерные объектные отношения, т. е. поверхностные отношения, в которых нет места ни проективной идентификации (чтобы проникнуться интересом к другому), ни интроективной идентификации (чтобы чем-то заинтересовать). Им свойственно преобладание подражания, поверхностность, экстернализация ценностей и безразличие к времени (например, время в их жизни течет линейно или движется по кругу, не подразумевая никакого процесса). У них отсутствует внутренний источник ценностей, отсутствует продукт их собственной личной оценки. Доступная им идентификация не является проективной, поскольку эти пациенты не чувствуют разницы между существованием внутри и снаружи объекта (Meltzer, 1975).

Джин Гир в главе 5 книги «Лицо и психосоматические феномены», посвященной психосоматическим процессам в онкологии, говорит:

<...> Заметим, что отметины на лице, вызванные психосоматическим процессом, часто приводят нас к еще нерешенной подражательной связи, которая, в свою очередь, приводит к лицу одного из членов семьи пациента. Так называемый «мимезис» проявляется двумя способами: одно лицо вызывает другое лицо, которое демонстрирует явную отметину на том же месте. <...> пятно на лице другого не подразумевает ничего определенного, однако в дискурсе пациента мы обнаруживаем, что эта часть тела казалась

ему искаленной. <...> Данное свидетельство повреждения приводит, таким образом, к эрогенной зоне влечения другого тела (Guir, 1984, p. 59).

Дэвид Либерман, опираясь на мельцеровское понятие адгезивной проективной идентификации, в свою очередь, вводит понятие подражательной интроективной идентификации. Он полагает, что пациенты, в младенчестве страдавшие от отсутствия поддержки, защищают себя от душевной боли посредством ампутации собственной внутренней жизни и формируют защитную структуру, в которой они становятся двумерными. В отсутствие понимания своей внутренней жизни, физической и эмоциональной, они стереотипизируют «плоское» видение, «façade (поверхностное, фасадное) изображение» и контакт с этим необходимым им «плоским» объектом, на внешних качествах которого они фиксируют свое внимание. Они пытаются поддерживать иллюзорное единство, миметически инкорпорируя поверхностные свойства объекта. Они склонны формировать фантазии, в которых они «запечатлеваются на внешней стороне подобно куску кожи или штампу» и становятся частью объекта (Liberman et al., 1982, p. 336).

Фетишизм и кожа

Кожа и бархат могут репрезентировать волосы на лобке и служить фетишем точно так же, как нижнее белье и одежда, поскольку являются последним покровом кастрации. Этот покров еще позволяет считать женщину фаллической (Freud, 1927).

Органы выполняют не только сексуальную, но и «эгоистическую» функцию. Последняя (имеется в виду то, что, когда мы говорим о коже, мы подразумеваем ее способность к увлажнению, иннервацию, чувствительность, скорость размножения клеток и т. д.) может измениться при увеличении сексуальной значимости органа (Freud, 1926). «Фетишизация», так сказать, кожи тесно связана с увеличением ее эрогенности.

В своей работе «Фетишизм» Фрейд объясняет, что ребенок, столкнувшийся с травматическим воздействием на него представления о женщине как лишенной пениса, фиксируется на восприятии, непосредственно предшествующем этому открытию. Именно поэтому, нижнее белье, ноги и особенно ступни приобретают первостепенную значимость в качестве источника сексуального возбуждения у мужчин, в детстве они могли смотреть на женщину лишь снизу вверх. Руки тоже могут брать на себя функцию фетиша, поскольку являются одним из средств контакта с гениталиями после замены смотрения на прикосновение (хватательный рефлекс), а такие фразы, как «идти, держась за руки» или «быть взятым за руку», являются способами контакта с матерью, предшествующего открытию кастрации.

Эротизироваться может также кожа в целом. Кроме того, когда (посредством механизма отрицания) кожа обретает функцию фаллического представителя и укрытия от кастрации, она может также стать фетишем, поэтому очень часто мех животных, шубы и т. д. присутствуют в фантазиях и сексуальных сценах при некоторых извращениях.

Эти соображения определяют важность локализации поражений при кожных заболеваниях. Болезненные места могут фетишизироваться, после чего порождаемая развитием заболевания тревога начинает определяться не столько самим заболеванием, сколько угрозой кастрации, которую вызывает появление заболевания (или его излечение). Например, появление эритемы и воспаления в некоторой части тела может сделать ее более важной и более чувствительной; с этой точки зрения, пациент, так сказать, «делает ее фаллической». В этом случае лечение может означать угрозу кастрации. В других случаях пациент воспринимает свою болезнь как прогрессирующую утрату части своего тела, которая не может больше выполнять свои обычные функции или которая была «истреблена» либо «отнята» болезнью. Особенно важно, когда болезнь затрагивает гениталии или когда повреждаются руки и ноги, которые так серьезно страдают и так трудно вылечиваются в случаях экземы и псориаза.

Влечение к прикосновению и кожа в качестве источника и объекта влечения

Влечение к хватанию или влечение к контакту и прикосновению может быть прегенитальной, предварительной сексуальной целью. Когда оно становится самоцелью, оно «закладывает основу чистых случаев невроза» (Freud, 1894b, p. 101–102). Согласно Моллу, влечение разбивается на контрректационное и детумесцентное влечение. Первое означает потребность в контакте с кожей, побуждение к установлению контакта с кожей другого (Freud, 1909a, p. 111). Последнее означает спазматическое снятие напряжения в половых органах (Freud, 1905a, p. 169, fn. 2). В разделении постели с кем-то еще, одним из основных эротических удовольствий является «удовольствие, получаемое от кожного контакта» (Freud, 1909a, p. 111), к которому мы все склонны конституционально.

Связь между влечением к прикосновению и влечением к созерцанию

Прикосновение к сексуальным частям тела является первичным удовольствием, которое может быть замещено удовольствием от созерцания гениталий или «чего-то сексуального». Созерцание является суррогатом или заменой прикосновения (Freud, 1905c, p. 98). Можно говорить о «зрительном либидо» и о «тактильном либидо». Каждое из них может быть активным и пассивным, а также мужским и женским. Пассивный аспект зрительного либидо – это склонность получать удовольствие от эскзибиционизма, ограничение которого есть чувство стыда. У женщин есть много способов избежать чувства стыда, главным из которых является мода со всеми ее случайными «капризами» (Freud, 1905c, p. 98).

То же самое можно сказать об удовольствии от прикосновения, которое – путем нанесения татуировок, прохождения медицинских осмотров, массажа или использования кремов – маскирует и позволяет избежать блокировок со стороны отвращения, реактивного образования и вытеснения. Очень часто можно видеть, что привлечение некоторыми пациентами своих супругов в помощь при нанесении кремов на труднодоступные пораженные части тела является хорошим оправданием получения, наконец, тех ласк, которых им хочется, но о которых они не решаются просить, боясь быть отвергнутыми.

Взаимоотношение между созерцанием и прикосновениями – то, что Адлер назвал переплетением влечений, возникающим, когда один и тот же объект одновременно удовлетворяет несколько влечений. В случае кожи, мы знаем, что она может быть объектом как влечения к прикосновению, так и влечения к созерцанию. Смещение также возникает, поскольку способы, которыми достигается цель влечения (направленная на подавление состояния возбуждения в самом его источнике), могут быть самыми разнообразными. Причина в том, что сексуальные влечения могут легко заменять друг друга, они способны менять свой объект на сколь угодно неопределенный срок, обуславливая, таким образом, изменения траектории (Freud, 1915a). Именно поэтому они могут – посредством сублимации – производить действия, весьма отдаленно связанные с исходными целями. Вопрос изменения пути, взаимной смены объектов ради достижения цели, а также все, что касается переплетения влечений, лежит в основе рассмотрения значения слов-связок, которые синтезируют два психических процесса в единое целое более высокого порядка, устанавливая таким образом их тождественность, например, как в словесном контакте (см. рисунок 1.1). Именно это происходит, например, между физическим контактом, установленным по смежности, которая больше связана с прикосновением, и контактом с идеями, установленным по аналогии, которая больше связана с созерцанием.

Согласно Фрейду, психический аппарат биологически стремится освободиться от энергии или, по крайней мере, поддерживать энергию на постоянном уровне. Ради этого он защищается, стараясь избегать стимулов и производить их разрядку, коль скоро они попали в психику (Freud, 1895). Влечение к прикосновению и кожа, которая является его источником, тесно связаны с этой биологической тенденцией: во-первых, потому что кожа является защитным барьером от стимулов и, следовательно, ограждает от них; и, во-вторых, потому что прикосновение передает и в конечном счете обеспечивает разрядку, будучи финальным передатчиком моторного действия, т. е. уже поступившей «энергии». В то же время функция кожи парадоксальна, потому что одновременно с разрядкой энергии кожа отвечает также за ее приток. Эта проблема связана с перипетиями, предшествовавшими вытеснению и описанными Фрейдом для влечения (Freud, 1915a), поскольку кожа может быть как источником, так и объектом влечения, прояснить парадокс помогает то, что кожа работает в качестве барьера и одновременно в качестве приемника стимулов.

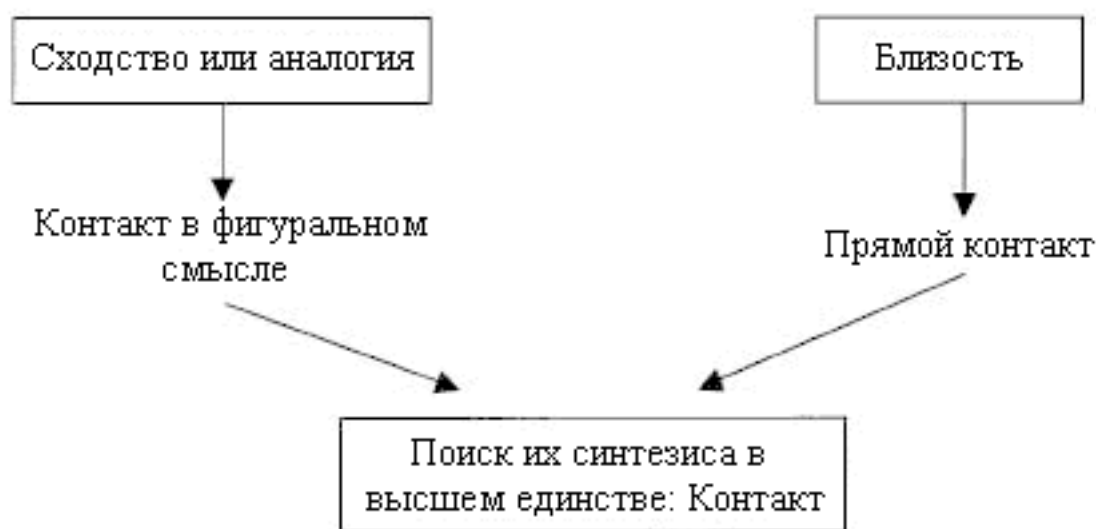

Рис. 1.1. Контакт и два принципа ассоциации идей в магии заражения

Помимо прочих превратностей, предшествующих вытеснению влечения, Фрейд описывает обращение влечения в противоположность и перенаправление его субъектом на самого себя. Обращение инстинкта в противоположность реализуется в форме двух различных процессов: смены активности на пассивность и обращения содержания инстинкта. В то время как первая форма влияет лишь на цели инстинктов, примером может быть переход от скопофилии (удовольствие от созерцания) к эксгибиционизму, вторая форма включает в себя обращение содержания, примером чего может быть трансформация любви в ненависть. При обращении субъектом инстинкта на себя самого цель остается неизменной. В данном случае влечение исходит от субъекта и направлено на другой объект (например, прикосновение к гениталиям другого), но перенаправляется на самого субъекта и потому включает в себя элемент «само-сти»: прикосновение к себе, разглядывание себя. Агент не меняется, и целью по-прежнему остается прикосновение или разглядывание. Единственное, что меняется, так это объект. В результате кожа и прикосновение, целью которого являлась разрядка на внешний объект, в конечном итоге вызывает приток дополнительных стимулов и их инкорпорирование. Влечение к прикосновению или разглядыванию, приобретая эту рефлекторную функцию (в силу чего Я становится для них объектом), поддерживает их нарциссическую организацию.

Преграда влечению к прикосновению

Фрейд говорит, что некоторые чувства (ужас, чувство стыда) и некоторые этические и эстетические суждения (мораль) являются преградой, останавливающей течение влечения. Одной из таких преград, очень близкой к стыду, является отвращение. Отвращение – это ограничение, налагаемое на сексуальное влечение к прикосновению, в частности, когда речь идет о прикосновении к гениталиям и слизистой полости рта. «Половой инстинкт вынужден преодолевать определенные психические силы, действующие как сопротивление, при этом стыд и отвращение являются наиболее заметными среди них» (Freud, 1905a, p. 162). (Например, преодоление отвращения к половым органам или половому контакту.)

В главе «Сексуальное использование слизистой губ и рта» Фрейд описывает (Freud, 1905a, p. 151) борьбу сил полового инстинкта и преодолеваемого отвращения. Отвращение тесно связано с влечением к прикосновению (тактильному или слизистой). Возможно, отвращение, вызываемое болезнями кожи, связано с исходящей от них угрозой, вызванной притягательностью кожи: желанием прикоснуться к ней и поцеловать или замещающим желанием смотреть на нее.

Эта тема важна, потому что одной из сил, которой противодействует пациент с заболеванием кожи, является переживаемое другими людьми отвращение, которое улавливается и измеряется с тем, чтобы оценить степень любви другого. В одних случаях отвращение накладывает ограничение на эксгибиционизм этих пациентов; в других случаях именно оно задает контекст и рамку для эксгибиционизма, тем самым давая ему возможность выразиться.

Кожа как объект влечения и влечение к овладению

Когда кожа является объектом влечения, мы подходим ближе к аутоэротизму, эксгибиционизму и мазохизму, потому что, например, желание овладеть кожей другого человека как объектом приводит к таким действиям, как щипание его, сосание или повреждение. Эти действия выражают намерение овладеть (зрительно или даже тактильно) и обычно включают в себя садистические качества. В раннем детстве совершается множество аутоэротических действий, в которых кожа является объектом влечения; критически значимым среди них является сосание. Именно контакт в форме сосания, а также разного рода пятна на коже могут рассматриваться как объекты сосания. Сосание пальца определяется как сосательный контакт, действующий дополнительно «хватательный инстинкт, [который] может проявляться в одновременном ритмичном дергании мочки ушей» (Freud, 1905a, p. 180). Инфантильная связь между безжалостными и эрогенными инстинктами опасна, поскольку может фиксироваться навсегда. «...болезненная стимуляция кожи ягодиц является одним из эрогенных корней пассивного инстинкта жестокости (мазохизма)» (ibid., p. 193). В «*Totem und Tabu*» Фрейд утверждает:

Нечего удивляться, что табу, запрещающее прикосновение, играет ту же роль, что и *delire de toucher*, хотя тайный смысл запрета при табу не может иметь такое специальное содержание, как при неврозе. Прикосновение обозначает начало всякого обладания, всякой попытки подчинить себе человека или предмет (Freud, 1912–1913, p. 33–34).

Инстинкт схватывать или овладевать связан с садизмом и жестокостью. Вот почему заболевания, имеющие отношение к щипанию и царапанию (акне, психогенный зуд и вызванные дерматозы), могут рассматриваться с учетом этого инстинкта овладения, – не только как обусловленные «хватанием» или «овладением» пятнами или чешуйками эпидермиса, кожей или прыщами, но также как обусловленные жестокостью и садистичностью процедуры (см. главу 9).

Кожа, предварительное удовольствие и зуд

Когда Фрейд рассматривает связь между чувством напряженности и удовольствием, он сталкивается с теоретическим противоречием, ибо, если удовольствие равно уменьшению напряженности, а неудовольствие равно ее увеличению, тогда он не в состоянии объяснить, каким образом в сфере сексуальности определенные, вызывающие удовольствие стимулы, в то же самое время приводят к росту напряжения и сексуального возбуждения или оказываются «стимулом к нему». Как было отмечено ранее:

Если возбуждение распространяется теперь на другую эрогенную зону (например, посредством тактильных ощущений – на руку), эффект оказывается тот же: с одной стороны, чувство наслаждения, которое быстро усиливается за счет удовольствия, источником которого являются подготовительные изменения [в половых органах], а с другой стороны – увеличение полового напряжения, которое быстро переходит в явное неудовольствие в случае, если ему не удастся найти доступа к удовольствию. Другой пример, возможно, сделает это еще более понятным. Если эрогенная зона сексуально невозбужденного человека (например, кожа женской груди), стимулируется посредством прикосновения, тогда контакт вызывает приятное чувство; однако для того, чтобы намеренно вызвать сексуальное возбуждение, требуется увеличение удовольствия. Проблема в том, каким образом оказывается возможным то, что переживание удовольствия вызывает необходимость большего удовольствия (Freud, 1905a, p. 209–210).

К событиям, связанным с предварительным удовольствием и с вызывающим удовольствие чувством напряженности или, по крайней мере, требованием удовольствия (когда в чередовании удовольствия-неудовольствия увеличение количества должно вызывать неудовольствие), относится зуд, который в дерматологии и психодерматологии имеет первостепенное значение.

Пишон-Ривьер даже утверждал (Pichon-Rivière, 1971), что зуд – эквивалент анальной тревоге. Зуд побуждает к царапанию, вызывающему чувство удовольствия, а также настойчивую потребность в еще большем расцарапывании вследствие некоего роста напряженности. Разорвать этот порочный круг некоторые пациенты могут только после выделения некоторого количества жидкости (сыворотки, гноя, крови). Ощущение, вызываемое циклическим повторением зуд-царапание, имеет явно «сладострастное» качество, сравнимое с сексуальным раздражителем. Фрейд несколько раз использует термин «зуд» или «центрально обусловленный зуд», говоря о половом возбуждении.

Вот другие ссылки на зуд (Freud, 1905a, 1909b):

1. Состояние нужды в повторении удовлетворения проявляется двояко: посредством своеобразного чувства напряженности, имеющего, скорее, характер неудовольствия, и посредством ощущения зуда или раздражения, центральным образом обусловленного и спроецированного на периферийную эрогенную зону. Таким образом мы можем по-другому описать сексуальную цель: она состоит в замене проективного ощущения раздражения в эрогенной зоне внешним стимулом, который устраняет это ощущение, вызывая чувство удовлетворения. Этот внешний стимул, как правило, включает в себя некие манипуляции, которые аналогичны сосанию (Freud, 1905a, p. 184).

2. Кроме того, всеобщую значимость анальной зоны выражает тот факт, что за редким исключением все невротики обнаруживают у себя

специфические, бережно хранимые в секрете копрологические практики, обряды и т. д. Реальная мастурбаторная стимуляция анальной зоны с помощью пальца, вызванная центрально обусловленным или периферийно поддерживаемым ощущением зуда, ни в коем случае не является исключением у детей более старшего возраста (ibid., p. 187).

3. Возвращение младенческой мастурбации. Сексуальные возбуждения младенческого возраста снова появляются в упомянутом детском возрасте или как центрально обусловленное щекочущее раздражение, требующее онанистического удовлетворения, или как процесс, похожий на поллюцию, который аналогично поллюции в зрелом возрасте дает удовлетворение даже и без помощи какого-нибудь действия (ibid., p. 190).

4. Больше, чем что-либо, наказание крысами возбудило в нем анальный эротизм, который играл важную роль в его детстве и продолжал активно существовать на протяжении многих лет, благодаря постоянному раздражению, вызванному глистами (Freud, 1909b, p. 213).

Невроз, возникший в результате фиксации на удовольствии от прикосновения

Говоря о различных способах реализации обсессивного невроза, Фрейд предполагает существование неврозов, при которых на переднем плане стоит склонность к постоянным раздумьям: при таких неврозах разглядывание, прикосновение и исследование становятся слишком сексуализированными. Этим типом невроза можно объяснить важность страха прикосновения и одержимости чистотой как реактивных образований, связанных с желанием все время размышлять (Freud, 1916–1917, p. 309).

Склонность к постоянным раздумьям тесно связана со стремлением к доминированию, контролю и к садистическому овладению объектом. Мы можем отчетливо видеть это в разрушительности, которую некоторые дети реализуют со своими игрушками и которая начинается как стремление изучить и взять под контроль их функционирование, их составные части и т. д. Стремление контролировать и садистически овладевать является типичным для обсессивного невроза и тесно соприкасается с влечением к прикосновению, как мы видели раньше.

Резюме: оси влечения к прикосновению

- Кожа может быть либо источником, либо объектом влечения.
- Влечения, тесно связанные с кожей как источником, – это влечение к прикосновению, влечение к овладению или сдерживанию инстинкта, побуждение к контакту с другим человеком или «контректакционное»³ влечение. (Хотя они описываются как отдельные, их можно рассматривать как разные способы описания одного и того же.)
- Влечениями, тесно связанными с кожей как объектом, являются разглядывание и садистическое влечение. Кожа как объект влечения может играть основополагающую роль, особенно при аутоэротизме, эксгибиционизме и мазохизме.
- Мы можем обнаружить взаимосвязь между влечениями, способными замещать друг друга или определенным образом ассоциироваться друг с другом. Это та самая взаимосвязь,

³ От контректация (*лат.* contrectatio – дотрагивание, ощупывание; расхищение, трата) – 1) касание руками как акт невербальной коммуникации; 2) сексуальные поглаживания, ласки; 3) в психопатологии – а) навязчивые действия в виде потребности дотрагиваться до предметов с целью защиты от тревоги; б) особенности поведения пациентов с кататонией дотрагиваться до оказавшихся в поле зрения предметов, при этом действия носят немотивированный характер.

которая возникает между визуальным и тактильным контактом (влечение к разглядыванию и влечение к прикосновению).

- Сексуальное возбуждение связано с ощущением зуда, вызванным извне или «центрально».
- Как и все влечения, влечение к прикосновению имеет свои преграды, из которых наиболее значимой является отвращение.
- Есть неврозы, которые вызываются, в частности, преобладанием влечения к прикосновению: неврозы, при которых на переднем плане стоит склонность к постоянным раздумьям.

Контакт как основная идея. Контакт и заражение

Контакт и заражение могут исследоваться в соответствии с идеями Фрейда, изложенными в *«Проекте научной психологии»*, *«Тотем и табу»*, а также в его размышлениях об обсессивном неврозе, пронизывающими все его работы. И хотя, с одной стороны, *«Проект научной психологии»* полезно рассматривать (чтобы проследить становление идей контакта, контактного барьера и активатора) как некую нейрональную метафору того, что происходит с психическими репрезентациями, с другой стороны, выводы из *«Тотема и табу»* дают нам социальную или мифологическую метафору того же объекта исследования. Идея контакта – это тот главный узел или стержень, поиск которого направляет движение нашей мысли в обеих областях.

Контакт, контактный барьер и поверхностный электрический заряд тела

В *«Проекте научной психологии»* Фрейд обнаружил (Freud, 1895) нечто похожее на синапсы между нейронами до того, как Шеррингтон в 1897 г. предложил идею контакта между нейронами, осуществляемого через контактный барьер и активаторы. Термин «контактный барьер» будит воображение, совмещая в себе значения двух противоположных функций: функции барьера и функции контакта.

Такое сгущение смыслов выражает весьма важную мысль, связанную с пониманием функции кожи как органа, а также с пониманием своеобразной парадоксальности психического аппарата: от раздражителей необходимо защищаться, при этом их необходимо включать в себя или, по крайней мере, воспринимать, а включив в себя, устранять. В самом деле контактный барьер перемежает свойства проницаемости и непроницаемости. Он оказывает сопротивление движению количества и таким образом осуществляет разгрузку. Идеи проницаемости и разгрузки (facilitation) образуют ось разделения нейронов на различные типы (фи-, пси- и омега-нейроны), а также классификации стимулов на эндогенные и экзогенные, обеспечивая таким образом ключевой фактор различения внешнего и внутреннего.

Потребность психического аппарата выполнять функции приема, регистрации, памяти и усвоения, защиты, обмена и устранения может быть удовлетворена только в результате развития дискретных, но взаимосвязанных систем. Эту тему можно лучше понять, изучив *«Проект научной психологии»*. Обмен между системами имеет решающее значение для развития психических функций и построения символических измерений.

В *«Тотеме и Табу»* (Freud, 1912–1913), а также в работе «Психоневрозы защиты» (Freud, 1894a) Фрейд делает несколько замечаний относительно межличностных контактов, которые, по-видимому, должны быть гомологичны передаче количества между нейронами, представленной в его первой теории психического аппарата. Например, он предполагает, что контакт может генерировать разряд, вызывающий катастрофические последствия, и что эти последствия зависят от сопротивления и защиты рецептора, а также от того «электрического заряда» угрозы, который передается по «поверхности тела» (Freud, 1894a, p. 60).

Физический контакт, равно как и его последствия, претерпевает сгущение и смещение, поскольку является репрезентацией. «Электрический заряд» (на который он ссылается, описывая табу), люди и вещи пробуждают в нас катексисы, либидо, нейрональное количество, эмоциональную значимость и все, что связано с энергией, которая передается людям и вещам, согласно законам сгущения и смещения. Таким же образом, сопротивление и защита человека, выступающего в роли рецептора, равно как и его облачение, напоминают нам о сопротивлении контакту, о его проницаемости или непроницаемости, о его «разгрузке», которая также зависит от степени заряженности барьера в данный момент времени.

Первичный процесс при контакте: когда контакт становится заражением

Отношения между контактом и заражением тесно связаны с надежностью передачи или применения функции бессознательного к контактам между людьми. В случае обычного смешения первичного процесса контакт является заражением. Иными словами, заражение – это первичный, т. е. ничем не сдерживаемый контакт.

Все опасное и вторгающееся превращает контакт в заражение. Всему тому, что олицетворяет собой избранность («короли, священники, новорожденные»), особое состояние («менструации, роды, пубертат») или жуть («болезни, смерть»), присуща сила, которая рассеивает себя и может заражать, передаваясь при контакте (Freud, 1912–1913).

Следуя логике первичного процесса, не прикасаться – значит не думать. Вот почему на все, о чем запрещено думать, распространяется также и запрет на прикосновение. Тогда понятно, почему в разных табу, всего, что ментально связано с табуированным, запрещено касаться физически. Например, прикосновение к женскому платью, даже если женщина его не носит, равнозначно прикосновению к самой женщине, поскольку она и ее платье тесно связаны в сознании человека, касающегося платья. Однако, согласно логике того же первичного процесса, прикосновение – это мост к мышлению, фантазии и воображению, это пробуждение влечения к овладению, поскольку (запомним это!) «прикосновение – это первый шаг к обретению всякого контроля или к попытке использовать человека или объект» (ibid., p. 34).

Табу на контакт, заряженность объекта и обсессивный невроз

Слово «табу» можно перевести по-разному, но, согласно Фрейду, наилучшим является перевод, в котором под табу понимается нечто, к чему нельзя прикасаться из-за его демонической силы. «Это понятие акцентирует свойство, общее как для чего-то священного, так и для чего-то нечистого: ужас контакта с ним» (Freud, 1912–1913, p. 25). Прикосновение и физический контакт являются главными целями агрессивной и любовной заряженности объекта (Freud, 1926). Вот почему табу на контакт является одной из старейших и наиболее важных заповедей обсессивного невроза.

Как и в случае табу, запрет – ядро невроза – направлен главным образом против прикосновения; в таком виде он известен также как «фобия прикосновения» или *délire du toucher*. Запрет не только распространяется на непосредственный физический контакт, но и расширяется до степени метафорического понимания выражения «войти в контакт». Все, что направляет мысли пациента на запретный объект, все, что приводит его в интеллектуальный контакт с ним, все это запрещено в той же мере, как и непосредственный физический контакт. Такое же расширение имеет место и в случае табу (Freud, 1912–1913, p. 27).

При обсессивном неврозе запрещен именно контакт, поскольку он подразумевает также и сексуальный контакт, и – в силу амбивалентности чувств – агрессивный контакт. Такое же уравнивание (контакта и агрессии) лежит в основе возгласа *touché*, издаваемого фехтовальщиками, *touché* означает: убит в результате касания рапирой. Также хорошо известна игра в «морской бой», в которой «касание» предвещает потопление на следующем шаге. По той же причине оголенный электрический провод называется «контактом». Если контакт отсутствует или чрезмерен, тогда он может ощущаться как болезненный или смертельный. Это похоже на болезненный поиск в стремлении или желании контакта или на самый обыкновенный контакт, болезненность которого обусловлена повышенной чувствительностью рецепторов, которые ради осуществления контакта стали гиперчувствительными в результате снижения порогового барьера защиты от раздражителей. Вследствие этого, вполне вероятно, будет

формироваться бесчувственная оболочка или бесстрастное поведение с тенденцией к избеганию стимулов, развивающихся как реактивные образования (см. рисунок 1.2).

Рис. 1.2. Возникновение контакта, чувствительности и стимульного порога

Уже рассмотренное соотношение физического контакта и психического контакта между двумя идеями еще раз проверяется в анализе табу и обсессивных ритуалов. Смещение (столь частое в обсессивных представлениях), обеспечивающее попытку избегания идей, переживаемых как запрещенные, также связано с контактом с объектами. Контакт с объектом табуируется, потому что он «устанавливает контакт» с идеями, которые связаны с этим объектом.

В цитируемой (Freud, 1912–1913) Фрейдом работе Фрэзера (Frazer, 1922) идея нечистоты (напрямую относящаяся к греховному деянию или телесному состоянию) непосредственно связана с запретом на контакт. Интересно отметить, что при нарушении запрета наказание реализуется на коже: язвы и нарывы. Посредством приема ванн достигается очищение кожи, а через нее – души и греха.

Между атакуемой частью тела другого и частью собственного тела индивидуума имеет место связь, которая вызывает симптом: если индивид срезает волосы врага, ему запрещено расчесываться. И если у него зачесется голова, ему нельзя будет почесаться собственной рукой (прикоснуться). Ведь тело другого и собственное тело индивидуума будут связаны одним и тем же означающим или значением. Такой тип связывания тел обнаруживает себя, когда человек устанавливает примитивные межпоколенческие отношения посредством страданий, аналогичных болезням или расстройствам, или заболевая болезнями, имеющими ту же локализацию и развившимися у родителей или у тех, с кем установлены межпоколенческие отношения.

Отец Сеферино, пациента с псориазом, полагал, что заболевание у его сына могло быть вызвано потом. В результате «для его же собственного блага»

отец по возвращении с работы всякий раз проверял сына и, если тот был потным, жестоко наказывал его. В результате в детстве Сеферино очень редко играл, потому что для мальчика играть – значит бегать, а беготня вызывает потение. Иногда он все-таки играл и бегал, после чего старался высохнуть и скрыть от отца содеянное; тем не менее его всегда в конечном итоге наказывали.

Роландо был участником той же группы. Это очень чувствительный пациент, постоянно все отрицающий, психоанализ был чем-то неслыханным в его среде, он умело скрывал свои устремления от друзей и семьи.

Сеферино проходил анализ в течение многих лет и терпеть не мог отрицания Роландо, поэтому, он предлагал ему «дикие» интерпретации, посредством которых наказывал, преследовал и осуждал его, он пытался раскрыть те самые чувства, которые Роландо старался скрыть. Из сессии в сессию Роландо защищал себя весьма эффективно.

Однажды Роландо опоздал на сессию, Сеферино был неумолим, несмотря на все его оправдания. На следующей сессии Роландо впервые пожаловался на Сеферино, сообщив о том, что Сеферино был настолько груб с ним на предыдущей сессии, что это вызвало новую вспышку псориаза.

Я предложил им интерпретацию, согласно которой Сеферино воспроизвел свою инфантильную ситуацию: он принял Роландо за проекцию себя в детстве и, поставив себя на место отца, имея обширный психоаналитический опыт, интерпретировал его «ради его же собственного блага», чтобы помочь ему. Его злили защитные механизмы Роландо, поскольку, защищая себя, Роландо скрывал свои желания и чувства так же, как он, Сеферино, это делал с потом.

По окончании сессии дерматолог, который участвовал в сессиях как наблюдатель, осмотрел Роландо. К нашему удивлению, вместо новой вспышки псориаза у него было крупное воспаление, вызванное потницей⁴, вероятно, вследствие интенсивного потоотделения во время сна. Таким образом, Роландо, который ничего не знал об истории детства Сеферино, воссоздал в собственном теле спроецированный на него персонаж.

Контакт, горевание и материализация боли

В описании табу на мертвых любой контакт – даже в переносном смысле – понимается как «материальный». Это связано с тем, что для примитивного мышления понимание абстрактных вопросов возможно, если им найдены конкретные эквиваленты. Такое часто происходит с психической болью, которая для того, чтобы быть осмысленной, как правило, должна материализоваться. Потребность в «материализации» боли все еще наблюдается у пациентов, и поражения кожи удовлетворяют эту потребность.

В Библии Иов срывает свои облачения, что говорит о боли, которую Фрай Луис де Леон истолковывает (Fray Luis de León, 1779) как демонстрируемое Иовом богу доказательство того, что он не был настолько невменяем, чтобы не сознавать страданий, причиняемых его ранами на коже. Это вполне могло положить начало еврейской традиции разрывать облачения на груди умершего родственника в церемонии, предшествующей погребению. В свою очередь, процесс горевания, включающий в себя интернализацию потерянного объекта, требует абсолютного понимания и дифференциации между внутренним и внешним. Если развитие внутреннего и

⁴ Потница – дерматоз, затрагивающий поры, который может вызываться интенсивным потоотделением.

внешнего не завершено, тогда вместо «тени объекта, падающей на Эго», мы видим «тень объекта, окружающую Эго». Этот способ окружения себя утраченным объектом может быть связан с образом тела, который сформировался лишь на поверхности, не проникая вглубь или проникая лишь на глубину, в пределах которой внутреннее не завершило свое формирование. Некоторые погребальные обряды североамериканских племен, показывают, каким образом люди выносят тень объекта, окружающую их и не проникающую внутрь них. В комментируемых Фрейдом мифах о смерти можно видеть постепенное снижение символизации утраченного объекта, который постепенно «материализуется» и всегда – вокруг кожи (Freud, 1912–1913, p. 53):

Человек, переживающий траур, окружен своего рода ореолом, некой «наэлектризованностью», придающей ему статус табу и передающейся при контакте, что делает человека смертельно опасным.

- Человек, переживающий траур, окружен тенью.
- Он спит в окружении колючих кустов, которыми выложена его кровать.
- Он носит закрытую одежду, изготовленную из сухой охапки травы.
- Его собственная кожа – при телесном контакте – передает контакт с умершим человеком.

Наэлектризованность, тень, колючие кусты, покровы (они становятся все более материальными по мере приближения к телу самого индивидуума) представляют не только душу, но также и тело умершего, и чем примитивнее и слабее способность символизировать отсутствие тела, тем больше это относится к реальной плоти. Посредством контакта состояние табу, в свою очередь, передает ощущение присутствия умершего, который наказывает живых, желающих забрать то, что когда-то принадлежало ему. Кроме того, табу также передает определенную связь, существующую между контактом и овладением, а также между контактом и искушением, т. е. желанием.

Кожа как кортикальный слой: функции границы, поверхности, защиты и восприятия

В предыдущих разделах подчеркивалась связь между кожей и контактом, а также влечением к прикосновению. Было также отмечено, что одним из парадоксов кожи является то, что одновременно с восприятием стимулов, она выполняет также функцию защитного устройства или своего рода защитного барьера от раздражителей. С другой стороны, тесная связь кожи с феноменом восприятия также связывает ее с сознанием (conscience).

Функция защиты

Фрейд развивает идею аппарата, защищающего от возбуждений, который есть у всех живых организмов. Очевидно, что кожа является таким аппаратом или, по крайней мере, что такой аппарат зависит от адекватного функционирования кожи. Фрейд считает: «Своей гибелью внешние слои спасают от смерти более глубокие слои» (Freud, 1920, p. 27), – процесс, который фактически имеет место в тканях эпидермиса.

Развитие концепции защитного аппарата исходит из идеи (уже разрабатывавшейся в «Проекте...») вторичной функции, целью которой могло бы быть спасение от стимулов (Freud, 1895, p. 296–297). «Защита от стимулов является функцией, возможно, более важной для живого организма, чем восприятие стимулов» (Freud, 1920, p. 27).

Восприятие возбуждений не может быть самоцелью; целью, скорее, могло бы быть выяснение их направления и источника с тем, чтобы только защититься от них. Вот почему для удовлетворения этой цели оказывается достаточно лишь небольших порций внешних возбуждений. Аппарат защиты от возбуждений формируется за счет гибели наружного слоя, действующего в качестве покрова или мембраны, останавливающей возбуждения.

Изучение защитной функции очень важно, поскольку в клинической практике мы встречаем пациентов, понять которых удастся, если принять во внимание их аппарат защиты. Например, чувство «незащищенности», ожидание боли или незаживающая рана, порождают реакцию, которая способствует «наискорейшему формированию нового защитного слоя» или «закрытию раны», что характерологически описывается как изолирование или нечувствительность, иногда даже с параноидальными реакциями, такими как «заблаговременное укрепление себя». Повышенная чувствительность приводит к тому, что внешние раздражители воспринимаются как чрезмерные, при этом формируется избыточная защитная оболочка (см.: рисунок 1.2).

Кожа и сознание. Роль кортикального слоя в символизации времени и в функционировании памяти

В отличие от Канта Фрейд полагает, что время и пространство не есть две необходимые предпосылки нашего мышления. Открытие психоанализом бессознательных процессов, которые являются вневременными, может быть доказательством этого: «Наша абстрактная идея времени, похоже, полностью выводится из того, как работает система Pcpt-Cs, и соответствует собственному восприятию этого процесса» (Freud, 1920, p. 28). «Чувственная кора», которую можно поставить в один ряд с системой сознания (Сз) (и которая может быть органом восприятия возбуждений, идущих из внешнего мира, а также органом «аппарата защиты от внешнего мира»), обладает таким характерным свойством, как нахождение между внешним и внутренним. «Положение системы между внешним и внутренним, а также различие в условиях регу-

ляции приема возбуждений в том и другом случае оказывают решающее влияние на функционирование системы и всего психического аппарата» (ibid., p. 28–29).

Мы видим, в какой степени формирование внутреннего и внешнего (т. е. пространства), а также понятия времени связано с функцией этого внешнего кортикального слоя и с его соответствующими функциями: прием стимулов, защита от стимулов, особое позиционирование кортикального слоя по отношению к внутреннему и внешнему мирам, различение этих двух миров, а также ориентирование поведения (или защитных механизмов) против внутренних возбуждений, вызывающих чрезмерное увеличение неудовольствия. «Один из способов адаптации связан с переработкой всех внутренних возбуждений, вызывающих чрезмерное увеличение неудовольствия: имеет место тенденция относиться к ним так, как если бы они действовали не изнутри, а снаружи; в результате щит от раздражителей можно задействовать как средство защиты от них. Таково происхождение проекции...» (ibid., p. 29). В разных публикациях, начиная от *«Проекта научной психологии»* и далее, до самых последних работ, Фрейд постулировал наличие взаимосвязи между восприятием и памятью. Для восприятия, прежде всего, необходима воспринимающая поверхность, всегда готовая к регистрации стимулов, тогда как для памяти необходима долговременная запись, что-то вроде постоянного следа того, что было зарегистрировано. Это может быть реализовано только посредством дискретных систем, динамически связанных друг с другом. В работе *«По ту сторону принципа удовольствия»* Фрейд описал два слоя нашей перцептивной системы: внешний слой, защищающий от раздражителей и отвечающий за их ослабление, и воспринимающую поверхность. В *«Заметке о чудо-блокноте»* (Freud, 1925a) он предлагает объяснительную модель. Его соображения об этой модели дают нам возможность рассмотреть более полно роль кожи, контакта и привязанности в развитии памяти и способности к символизации. У чудо-блокнота три слоя: целлулоидный слой, восковая подложка и слой вощенной бумаги между целлулоидом и воском. На восковой подложке остается постоянный след от написанного, а слой целлулоида действует как рецептивная поверхность, которую можно использовать снова и снова. Как уже упоминалось ранее, для сохранения той и другой способности (восприятие и память) психический аппарат распределяет эти способности по двум различным, хотя и взаимосвязанным системам (на примере волшебной дощечки – посредством вощенной бумаги). Это одна из ключевых особенностей способности к символизации: установление дистанции и в то же время сохранение связи между восприятием и памятью. Эта связь должна быть дискретной, благодаря чему запись различий позволяет нам приобретать качественно различные записи. Развитие идеи времени зависит от дискретности перцептивной системы. С точки зрения повседневного опыта это означает, что если мы в течение года видимся с кем-то каждый день и находимся с этим человеком в течение целого дня, то нам трудно заметить, как он взрослеет и изменяется. И наоборот, если мы не видим кого-то долгое время, то встреча с ним шокирует нас, поскольку заставляет нас обоих увидеть сразу то, как много времени прошло. Таков один из признаков травматического действия праздников, таких как встречи школьных и институтских товарищей. Дискретность перцептивной системы связана с «потерей контакта» между восприятием и памятью: мы вспоминаем одноклассников, поскольку у нас есть воспоминания о них, но мы их не воспринимаем, поскольку не видимся с ними долгое время. Это пример дискретности перцептивной системы, которая заставляет нас внезапно осознать длительность прошедшего времени.

Функция, которую Фрейд называет «вниманием», также играет роль в регуляции восприятия и в зависимости от того, доступно оно или нет, делает нас воспринимающими нечто или не воспринимающими это нечто вообще. «Внимание» включает в себя катексис или инвестиции, находящиеся в распоряжении Эго, которые дают нам возможность войти в контакт с внешними стимулами, запечатлеваемыми нашими органами чувств: оно дает Эго возможность абсорбировать эти стимулы, которые таким образом становятся частью нейронной сети.

В отсутствие дискретности перцептивной системы, формирование понятия времени затрудняется. Почему это происходит?

- Вследствие потребности в постоянном контакте, что мы наблюдаем у симбиотических пациентов.
- Вследствие потребности защитить себя от любого рода контактов (что подразумевает дезинвестицию перцептивной системы), что мы видим в клинической практике с пациентами, которые окружают себя защитной оболочкой.
- Вследствие диссоциации между системой и другим (который генерирует недостаточное внимание к определенным вещам или является неизгладимым следом в неприемлемой системе, которая ограничивает возможности новых восприятий), что мы наблюдаем в клинической работе с шизоидными и диссоциативными пациентами.

Несколько слов о кожных заболеваниях и их интерпретация или сочленение с психическими фактами

- Человек с крысами использует для удовлетворения своего сексуального любопытства наблюдение за няней, когда она занималась нарывами на ягодицах (Freud, 1909b).
- В своей статье «О бессознательном», анализируя «орган речи», Фрейд связывает идею кастрации с прыщами и угрями, а также с выдавливанием угрей или прыщей (Freud, 1915a, p. 199).
- Контакт, когда он исходит от могущественного существа, также имеет целительную силу, в частности, при лечении кожных заболеваний (золотухи) (Freud, 1912–1913, p. 42).
- Идея порчи непосредственно связана с греховным действием или с телесным состоянием, а также с запретом на контакт. При нарушении этого запрета наказание проявляется на коже: язвы и нарывы. Очищение также происходит при приеме ванн (Freud, 1912–1913, p. 39–40).

Мы считаем, что из этих четырех соображений то, которое связано с органом речи, является наиболее важным. Фрейд описывает случай пациента, который утверждал, что у него на лице глубокие дыры, которые образовались из-за прыщей или угрей. Обычно, он сдавливал их, с наслаждением наблюдая за тем, как что-то брызжет между пальцами. Затем, однако, он упрекает себя за то, что это привело к образованию глубокой ямки. Фрейд интерпретирует это действие как замещение мастурбации, а озабоченность пациента дырами – как реализацию угрозы кастрации, которая связана с мастурбационной практикой. С точки зрения фаллической фиксации и комплекса кастрации, возможно, интерпретация Фрейда верна, однако телесное дисморфофобическое расстройство указывает на то, что, как правило, имеет место глубокое личностное расстройство, которое проецируется на эстетический аспект. Именно поэтому так важно последующее фрейдовское диагностическое обсуждение, устанавливающее различие между симптоматическим образованием у этого пациента и формированием истерических симптомов. Между выдавливанием угря и эякуляцией есть аналогия, есть даже некоторая аналогия между бесконечными порами кожи и влагалищем. Тем не менее в первом случае (угорь и эякуляция) что-то «брызжет», во втором же случае (поры и влагалище) можно цинично сказать «дыра – это всегда дыра». Сходство словесного выражения, а не аналогия между выраженными вещами является решающим фактором замещения, поскольку имело место преобладание работы со словами над тем, что должно было делаться с вещами.

Пациентка, которая демонстрировала свой гнойничковый псориаз не прекратила бы с удовлетворением выдавливать свои прыщи, заметив что «что-то» вышло из ее кожных образований. Расспрос о ее истории детства показал, что в юности она была очень худой; ее называли Чибис за очень тонкие – как у птицы – ноги, выглядевшие как кожа и кости. По ходу установления связи между ее нынешним поведением и историей детства было высказано предложение, что, получая удовлетворение от созерцания чего-то между ее кожей и костями, ей удавалось вернуть себе ощущение обладания чем-то внутренним, в чем ей отказывало ее прозвище и люди, которые смотрели на нее.

Наконец, в «Толковании сновидений» Фрейд говорит о фурункуле размером с яблоко, который появился у него на мошонке. Ночью ему приснилось, что он без проблем едет на лошади, что было способом отрицания существования фурункула и боли в промежности. В интерпретации своего сновидения он связал область тела, «выбранную фурункулом» (Freud,

1900а, р. 230), с ощущением, когда его место занял другой врач, лечивший очень умную пациентку, с которой Фрейд проделывал всевозможные кунштюки.

Глава вторая. Дидье Анзье: Я-кожа

Тактильные ощущения как основание

Дидье Анзье исходит из двух фундаментальных предположений. Во-первых, *сензитивность является основным свойством психической жизни*, поскольку основанием развития любой психической функции является физическая функция, реализация которой выходит за границы ментальной сферы (Anzieu, 1987a, p. 107). Во-вторых, осязание является фундаментом при условии, что оно блокируется в нужное время (Anzieu, 1987a, p. 152).

По мнению Анзье, психический аппарат развивается именно благодаря этим базовым предположениям, используя в качестве отправной точки все то, что нам дают биологические по своей природе физические переживания, и кожа здесь играет фундаментальную роль. Эти переживания – как внешнего, так и внутреннего характера – позже будут приобретать иное значение (переозначаться) в процессе взаимодействия с агентом, вызывающим эти стимулы (таким агентом, как правило, является мать), а затем – с обретением способности к символизации – снова репрезентироваться в абстрактной форме, превращаясь в фантазии, символы и мысли.

Посредством физических стимулов кожа снабжает психический аппарат представлениями, которые составляют Эго и его основные функции. Таким образом, становится возможным формирование и развитие той части самости, которую Анзье называет Эго-кожей, реализующей ряд фундаментальных функций, которые поддерживают способность Эго ощущать, воспринимать, защищать, связывать, поддерживать и интегрировать ощущения, идентичность и энергию. С опорой на Эго-кожу как на основание Эго обретает способность мыслить, а представления – развиваться; Эго он называет Эго-мыслящим.

Патология Эго-мыслящего и Эго-кожи показывает нам, каким образом Эго может задействовать такие физические представления, как кожные ощущения ради того, чтобы общаться с другими людьми и пытаться защитить самость от внутренних и внешних угроз. Это Эго будет тем более патологичным и примитивным, чем большее количество неудач оно демонстрирует в своем абстрактном функционировании и чем больше его потребность в конкретных перцептивных переживаниях, которые не были символизированы или интегрированы друг с другом, чтобы сделать возможным поддержание его существования.

Анзье преследовал конкретную клиническую цель, когда предполагал, что анализ в случае сложной патологии (нарциссического невроза) или в *пограничных* случаях должен дать нам возможность диагностировать, какая именно функция Эго отсутствует, и видеть, какого рода аналитическая работа осуществима ради исправления этой нехватки и восстановления данной функции Эго. Чтобы объяснить причины неудач в структурировании Эго, Анзье обращается к теории привязанности и рассматривает ее связь с психопатологией.

[Пациенты] сохраняют ранние и повторяющиеся противоречивые переживания, чрезмерные привязанности, а также резкие и непредсказуемые сепарации, беспощадные к их физическому и/или психическому Эго. Из этого вытекают некоторые особенности их психического функционирования; они не уверены в своих чувствах; они гораздо больше озабочены тем, что, как они полагают, является желаниями и аффектами других людей; они живут здесь и теперь и коммуницируют с другими посредством повествования (narration); у них нет той духовной склонности, которая позволила бы им, по выражению Биона (Bion, 1962), обучаться на собственном личном опыте

переживаний, репрезентировать для самих себя этот опыт и извлекать из него новые перспективы, поскольку эти перспективы продолжают тревожить их. Им с трудом удастся интеллектуально выделить себя из этого размытого опыта, из этого смешения себя и другого, чтобы отказаться от тактильного контакта и переструктурировать свои отношения с той частью окружающего мира, которая находится в их поле зрения⁵. Они слипаются с другими в своей социальной жизни, сливаются с ощущениями и эмоциями психической жизни другого: они боятся любого проникновения, будь то визуальный или половой контакт (Anzieu, 1987a, p. 35).

⁵ Когда он говорит о реструктуризации их отношений с обозреваемым внешним миром, это не следует понимать как преобладание образа над понятиями и абстракциями вещей, речь идет всего лишь о скопической версии тех же самых вещей. Вместо этого автор указывает на получение доступа к концептуальному взгляду на вещи и на психическую реальность.

Эго и кожные заболевания

Согласно Анзье, кожные заболевания сохраняют тесные отношения с нарциссическими неудачами и структурной недостаточностью Эго. Прежде всего возможно уравнивание отношений функций Эго с мыслями, с одной стороны, и отношений функций кожи с телом как таковым. Затем возможно еще одно уравнивание – Эго и кожи, в результате чего сбой в любой из функций Эго сопровождается заболеваниями кожи, нанесением татуировок или надписей на ней. Наконец это уравнивание может быть настолько однозначным, что углубление изменений Эго пациента может приводить к более глубоким и более серьезным кожным заболеваниям.

Анзье задается вопросом, не являются ли кожные заболевания следствием чрезмерности или недостаточности контакта с матерью на ранних этапах жизни (Anzieu, 1987a). Исходя из своего опыта работы с дерматологическими больными, он утверждает, что некоторые кожные заболевания, по-видимому, связаны с чрезмерной стимуляцией, другие же – с недостаточной стимуляцией. Адресуясь к Шпитцу, он также задается вопросом, не является ли функцией экземы обеспечение больного теми стимулами, которых ему не хватало в детстве или, может быть, она скорее представляет собой форму просьбы эти стимулы предоставить.

Он приходит к выводу, что во всех случаях главной осью является запрет на прикосновение. С одной стороны, избыток материнской заботы может быть навязчивым и опасным, поскольку разрушает и претупает запрет на прикосновения, необходимые ребенку для того, чтобы он имел возможность формировать экран от возбуждений и оборачивать себя психически. С другой стороны, отсутствие материнской ласки и заботы может рассматриваться как эквивалент чрезмерного, неистового и преждевременного запрета на слияние с телом другого человека.

К такому восприятию дерматологических пациентов был добавлен тот факт, что Анзье анализировал пограничных и нарциссических пациентов, уверенных в собственной идентичности и во многом похожих на дерматологических пациентов. Из всего этого он заключил, что серьезность изменений на коже (которая определяется ростом сопротивления со стороны больного человека к фармакологическим и психотерапевтическим методам лечения) связана с количественной и качественной важностью нарушений Эго-кожи (Anzieu, 1987a, p. 46).

Он также коснулся проблемы патомимии⁶. По этому вопросу он ссылается на состояния, характеризующиеся поражениями кожи, вызванными самоповреждением и стремлением имитировать болезнь ради получения выгоды, хотя в ряде случаев единственная выгода, похоже, сводится всего лишь к обретению статуса больного. Другие авторы объединяют эти феномены в группу *дерматологических артефактов* или искусственных расстройств (см. главу 9). Согласно Анзье, при патомимии,

физический симптом рецидивирует, задействуя первичную форму языка кожи и давние фрустрации, при этом пациенты демонстрируют страдания и возвращение ярости: раздражение кожи смешивается с ментальным раздражением посредством соматопсихической недифференцированности, на которой эти пациенты остаются фиксированными (Anzieu, 1987a, p. 45).

Повреждения на коже... являются драматической попыткой сохранить границы тела и Я, чтобы восстановить чувство неповрежденности и сплоченности (ibid., p. 31).

⁶ Патомимия (*др.-гр. πάθος* – страдание, болезнь, *μίμησις* – подражание, изображение) – самоповреждение кожи, обусловленное психическим расстройством.

Как при патомимии, так и при многих других заболеваниях эпидермиса, кожа теряет свою функцию границы, обретая главным образом функцию зеркала души.

Запрет на прикосновение

Первые запреты, которые семья применяет к детям, как только мир (двигательного) перемещения и (дословесного и прелингвистического) общения становится им доступен, связаны с тактильными контактами; с этими внешними, изменчивыми и многочисленными запретами в качестве основы, формируется внутренний по своей природе запрет (Anzieu, 1987a, p. 149).

Запрет на прикосновение на языке тактильности может быть тем же, чем на языке эдипальности является кастрация, вытеснение или функция закона. Запрет на прикосновение двойственен, поскольку развивается в два этапа, относящихся к разным типам контакта.

Первичный запрет на прикосновение противостоит конкретно влечению привязанности. Это запрет на контакт вообще, т. е. запрет на привязанность, слияние и смешение тел. Он перенаправляет в психическую сферу то, что действовало в биологическом источнике. Он придает отдельность живому существу, находящемуся в процессе обретения индивидуальности. Именно запрет отстраняет индивидуума от материнской груди и поддерживает желание вернуться, реализация которого возможна только в фантазии (этот запрет не укореняется у аутичных индивидуумов, которые продолжают жить в материнском лоне). Мать неявным образом транслирует запрет ребенку посредством активного физического дистанцирования: ставя ребенка в кроватке, она отворачивается от него, она отворачивает его от себя, забирая грудь, отворачивая свое лицо, к которому ребенок хочет прикоснуться. В тех случаях, когда мать не осуществляет этот акт запрета, вокруг всегда есть кто-то, кто словесным образом выступит в этот момент как представитель запрета. Отец, свекровь, сосед, врач-педиатр – кто-то напомнит матери о ее обязанности телесно отделить себя от ребенка, чтобы тот уснул, чтобы он не перевозбуждался, чтобы оградить его от обретения вредных привычек; так он сможет учиться самостоятельно играть, так он сможет начать ходить, а не проситься на ручки. Все это делается ради того, чтобы он рос, чтобы он оставил свое окружение и находил себе время и место для самостоятельной жизни. Соответствующая угроза физического наказания в конечном счете представляется в фантазии как отрыв, как отказ от влажной поверхности единой кожи ребенка и матери (или того, кто ее заменяет, каковым может быть отец)... Мифология и религии отражают этот отрыв.

Вторичный запрет на прикосновение налагается на влечение к овладению: не все можно трогать, хватать или держать. Это избирательный запрет на мануальный контакт: не трогать гениталии и вообще эрогенные зоны и их продукты. Нельзя прикасаться к людям или предметам в грубой манере; прикосновение к ним должно ограничиваться лишь действиями, направленными на адаптацию к внешнему миру и на удовольствие, ими предоставляемое, следуя одному только принципу реальности. Запрет формулируется вербально или на языке жестов. Семья и домашняя среда противятся ребенку, готовому трогать запретное, сообщая о запрете словами или указывая посредством движений головой или рукой. Неявный смысл следующий: ты не должен хватать, сначала ты должен спросить и согласиться с возможным отказом или отсрочкой. В то же время этот смысл становится явным, когда ребенок в достаточной мере овладевает языком; это тот навык,

к освоению которого приводит запрет: на интересные предметы не нужно показывать пальцем, их нужно называть. Угрозу физического наказания, соответствующую вторичному запрету на прикосновение, в конечном счете выражает семейный и социальный дискурс: рука, которая крадет, бьет или мастурбирует, будет привязана или отрезана (ibid., p. 161).

Это двойной запрет, обеспечивающий возможность перехода от телесного Эго к связанному с ним психическому Эго. Этот переход может потребовать отказа от преобладания кожных удовольствий, а затем от руки, тем самым способствуя и трансформируя конкретное тактильное переживание базовых представлений, на основе которых формируются межсенсорные системы соответствий. Эти базовые представления на начальном образном уровне поддерживают символическую связь с контактом и осязанием и позже могут достигать чисто абстрактного уровня, утрачивающего эту связь (Anzieu, 1987a).

Все это не означает, что вытесненные тактильные первичные связи разрушаются (речь не идет о патологических случаях), скорее, они продолжают регистрироваться фоном, на котором прорисовываются межсенсорные системы соответствий. Они образуют психическое пространство, в котором могут объединяться другие сенсорные и моторные пространства, и поэтому они предоставляют воображаемую поверхность, на которой могут отображаться производные скрытых мыслительных операций. По мнению Анзье, гегелевское понятие *Aufhebung*⁷ особенно уместно при описании качества этих экотактильных следов, которые одновременно отрицаются, преодолеваются и сохраняются (Anzieu, 1987a). Такая экотактильная коммуникация существует в качестве изначального семиотического источника (ibid, p. 166).

Прикосновение может иметь сексуальную коннотацию, оно может быть всего лишь доказательством существования или средством формирования Я-кож и (Anzieu, 1987a). Запрет на прикосновение способствует установлению различия между уровнями организации реальности, которые остаются спутанными в первично тактильном переживании тела (Anzieu, 1987a). Эти уровни организации реальности могут быть описаны следующим образом:

- Ваше тело отличается от тел других людей.
- Пространство не зависит от объектов, его населяющих.
- Одушевленные объекты ведут себя иначе, нежели неодушевленные.

Можно выделить две структуры тактильного опыта: контакт посредством объятий, покрывающий большую поверхность кожи и характеризующийся давлением, теплом или холодом, нормальностью или болезненностью, кинестетическими и вестибулярными ощущениями, контакт, включающий в себя фантазию о коже в целом; наконец, прикосновение рукой, контакт кожа к коже, считающийся нейтральным, эрогенным или ожесточенным. Оба запрета на прикосновение направлены по отдельности к каждой из этих структур.

Равным образом запрет на прикосновение соответствует двум основным влечениям: агрессивным влечениям (не трогать предметы, которые могут сломаться или повредиться; не воздействовать с чрезмерной силой на части тела других людей) и сексуальным влечениям (не прикасаться назойливо к доставляющим удовольствие чувствительным частям собственного тела и тел других людей, поскольку возникающее возбуждение, понять и удовлетворить которое человек не способен, будет для него чрезмерным). В обоих случаях, запрет на прикосновение защищает от неумеренного полового возбуждения и таких его последствий, как распушенность. Благодаря запрету на прикосновение, сексуальность и агрессия остаются структурно недифференцированными; скорее, они ассимилируются как выражение влечения к насилию

⁷ Согласно Ипполиту (Hippolite, 1966, p. 860), гегелевское понятие *Aufhebung* означает отрицание с удержанием. Мы должны помнить о том, что Фрейд говорит об отрицании как своего рода *Aufhebung* (снятии) вытеснения, а не о признании вытесненного материала, потому что существенная часть вытесненного, препятствующая развитию аффекта, сохраняется.

в целом. Итак, *запрет на прикосновение* относится к сексуальным и агрессивным влечениям одновременно (Anzieu, 1987a, p. 158).

Чувство базового доверия

Беря за основу положения Монтегю и Боулби, Анзье устанавливает связь между контактом с материнским телом, выражающим (посредством хватания) влечение привязанности, и развитием чувства базового доверия, которое дает ребенку возможность исследовать и классифицировать предметы окружающего мира. Лишь с принятием этого базового доверия в качестве отправной точки может быть достигнута необходимая сепарация от матери.

Ребенок обретает способность эндогенного контроля, который осциллирует между чувством уверенности в собственных действиях и чувством эйфории от неограниченного всемогущества; если контролируется каждый шаг, то энергия вместо того, чтобы рассеиваться посредством разрядки в действии, все более возрастает, благодаря успеху [Анзье называет это явление либидинальной подзарядкой]; это ощущение внутренней мощи имеет важное значение для ребенка, если он реорганизует свои сенсомоторные и аффективные схемы, необходимые для его созревания и обретения опыта (Anzieu, 1987a, p. 68).

С этой точки зрения, утверждается возможное наличие реципрокного взаимодействия между чувством доверия и развитием способности к символизации. Без чувства доверия выдерживание отсутствия объектов невозможно; а без понятия отсутствия не может произойти переход от необходимости конкретного присутствия означаемых объектов, это то, что является существенно значимым в развитии способности к символизации. Способность к символизации, в свою очередь, увеличивает ресурсы ребенка за счет повышения его чувства доверия.

Понятие отсутствия тесно переплетается со способностью продуцировать, регистрировать и выдерживать сепарацию от любимого объекта. В главе 1 фрейдовский пример с чудоблокнотом приводится для того, чтобы показать связь обретения понятия отсутствия и способности отделять восприятия от воспоминаний. По мере того как прерывность перцептивной системы прочно связывается с долговременным следом того, что уже было зарегистрировано, начинает усваиваться понятие отсутствия и формироваться понятие времени. Эти процессы затруднены в симбиотических отношениях, в которых отсутствует сепарация от любимого объекта, а всякое разделение с ним оказывается травматичным. В отличие от такого рода отношений, если сепарация возможна, может регистрироваться и выдерживаться, тогда ребенок может обходиться без фактического контакта с любимыми предметами и людьми, при этом он может обходиться без использования кожи как способа получения сигналов и привлечения взора.

Джон Апдайк, американский писатель, страдающий псориазом, издал сборник рассказов под названием «Доверься мне. Рассказы» (Updike, 1962), в одном из них он описывает ситуацию, в которых человек, пребывающий в роли ребенка, принуждается другими людьми играть роль отца, делая то, к чему он еще не готов: он бросается в бассейн, чтобы научиться плавать; идет на горнолыжный склон для опытных лыжников и т. д. Когда ребенок находит в себе силы решиться на эти действия, отец терпит неудачу, выполняя поддерживающую роль: ему не удается вовремя поймать его в воде; он не может вселить уверенность, чтобы спуститься по склону. Как следствие, ребенок чувствует себя незащищенным и злится на взрослого, при этом чувство незащищенности возрастает. Мы могли бы спросить себя, не является ли выбранный Джоном Апдайком сюжет, заявленный уже в названии книги и иронично развиваемый в первом рассказе, отражением ситуации эмоционального недоверия, которая латентно влияет на многих людей, страдающих псориазом, и которая побуждает их сигнализировать посредством кожи.

Обычные слова, характеризующие настроения Барби, пациентки с эритродермическим псориазом (псориаз, покрывающий всю кожу) и с

огромным недоверием к своей матери, неспособной понимать ее аффективные состояния: «Сегодня у меня с кожей все плохо» или «Сегодня у меня с кожей все в порядке». Настроение проявляется в цвете ее кожи и чешуйках, так что другие люди, как правило, говорят ей «Вы прекрасны» или «Что с вами?», ориентируясь на ее кожу еще прежде, чем она что-либо скажет.

Концепция Я-кожи

Анзье снова и снова настаивает на том, что о коже следует говорить как об интерфейсе, т. е. как о поверхности, образованной внутренней и внешней сторонами, которая разграничивает внешнее и внутреннее и в то же время функционирует как контейнер. Термином Эго-кожа он обозначает те формы, которые ребенок – на ранних этапах своего развития – использует для репрезентации себя как *Я*, обладающего психическим содержанием и выбирающего в качестве отправной точки собственный опыт переживания поверхности тела. Это происходит в тот период, когда психическое *Я* отделяется от физического *Я* в операциональном аспекте, но еще остается спутанным с ним в фигуральном аспекте (1987а, р. 5051).

Функция матери – дать ребенку испытать ощущение окружающей оболочки. Эта оболочка не только предоставляет тепло, пищу, ласку, мягкость и все прочие аспекты заботы, она должна также посылать сигналы и знать, как интерпретировать сигналы, посылаемые ребенком. Предвосхищение его потребностей также должно сопровождаться нежностью и любовью. Более того, при адекватном функционировании запрета на прикосновение, должна существовать возможность создания необходимой дистанции, чтобы не допускать перевозбуждения и способствовать все большей сепарации. Если всего этого нет, тогда оболочка (которая должна способствовать развитию не только экрана от возбуждений, но также ощущения границы и благополучия) трансформируется в оболочку возбуждения и страдания.

Фантазия об общей с матерью коже

Фантазия об общей с матерью коже лежит в основе всего описанного выше процесса. Я-кожа может иметь внутренний и внешний слой. Материнская среда может быть внешним слоем, а поверхность тела ребенка может быть внутренним слоем, посылающим сигналы (рисунок 2.1).

Между наружным и внутренним слоями возникает взаимообратная связь, т. е. связь между сообщениями, посылаемыми ребенком (на рисунке 2.1 они обозначены черными стрелками, идущими вверх по направлению к внешнему слою), и сообщениями, а также ответными откликами материнской среды (обозначенными серыми стрелками, идущими вниз по направлению к внутреннему слою или к поверхности тела ребенка). Такая взаимообратная связь работает как интерфейс, обозначенный пунктирной линией. Функционирование этого интерфейса обеспечивает фантазия об общей между матерью и ребенком коже. Разделение внутреннего и внешнего слоев должно происходить постепенно и поступательно, как показано на рисунке 2.1, где черная и серая линии постепенно разделяются.

Если внешний слой слишком тесно связан с кожей ребенка, тогда развитие становится удушающим для него, а окружение – вторгающимся (рисунок 2.2).

Если внешний слой слишком рыхлый, Эго ребенка утрачивает согласованность, поскольку посылаемые ребенком сигналы (на рисунке 2.3 обозначены черными стрелками, направленными вверх), не воспринимаются и не задерживаются внешним слоем. Они как будто теряются.

Рис. 2.1. Я-кожа и общая между ребенком и матерью кожа

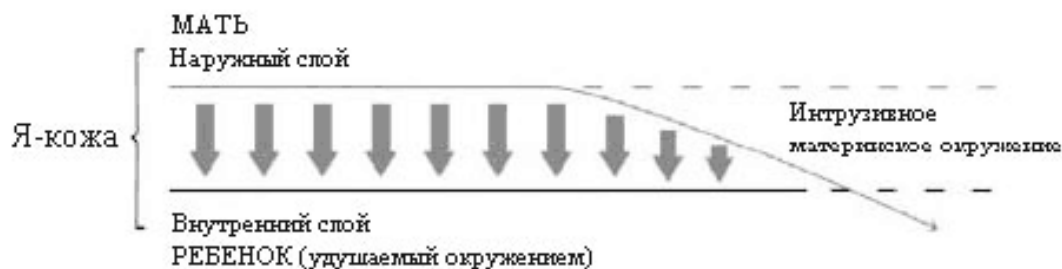

Рис. 2.2. Интрузивное материнское окружение

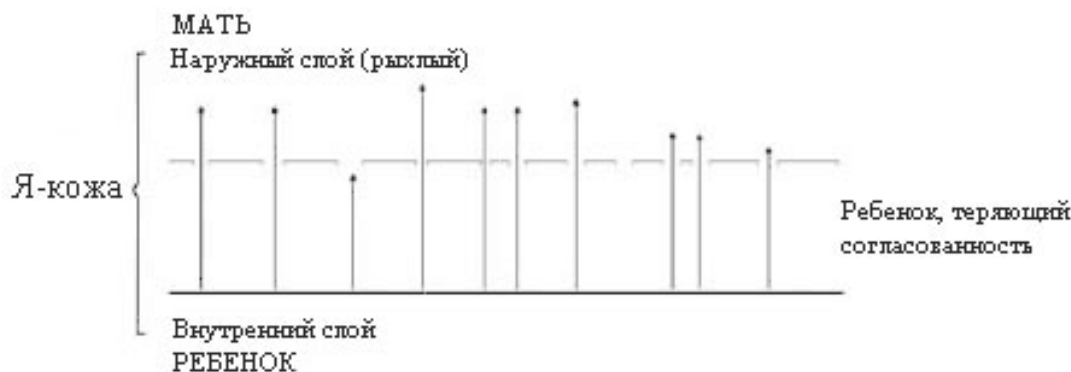

Рис. 2.3. Я-кожа с рыхлым внешним слоем

Фантазия об общей коже является необходимым основанием *Я-кожи*. Проблема в том, что, когда эта общая кожа следует нарциссической тенденции из-за преобладания избытка возбуждения, формирование *Я-кожи* сопровождается вторичной фантазией об общей коже, прочной и неуязвимой, что в мифологии и литературе трактуется как защитная кожа, как сверкающая или блестящая кожа. Например, в книге Фишера «Рыцарь в ржавых доспехах» главный герой не может снять свои доспехи, поскольку после всех сражений он стал нечувствительным, его нарциссизм обострился, несмотря на бахвальство своими победами (рисунок 4.3 применительно к случаю Данди). В книге Итало Кальвино «Несуществующий рыцарь» у средневекового рыцаря блестящие белые и безупречные доспехи без единой трещины; однако внутри никого нет, поскольку обладатель этих доспехов живет только ими. Наконец, у Перро в «Ослиной шкуре» девушка, потерявшая мать, примеряет – словно вторую кожу – красивые, блестя-

щие платья, которые выпрашивает у отца и получает, но при одном условии, что она выйдет за него замуж (см.: в главе 3 анализ рассказа Дэвидом Розенфельдом).

В действительности, потребность подзарядить нарциссическую оболочку таким образом, по-видимому, является защитной стороной фантазии о кровоточащей коже: в постоянном ожидании внешней угрозы или атак изнутри становится необходимым позолотить щит *Я-кожи* хотя бы в некоторых ее функциях, таких как экран от возбуждений и психический контейнер. На рисунке 2.5 показана ситуация, когда ни один из слоев не получает стимулы, или когда каждый слой пронизывается ими. Как следствие, определяющее значение приобретает фантазия об оболочке страдания и общая кожа следует тогда мазохистической тенденции: формирование *Я-кожи* сопровождается вторичными фантазиями о разорванной и болезненной общей коже, которая в мифологии и художественной литературе изображается как изодранная, смертоносная кожа в кровоподтеках (Anzieu, 1987a). Пример смертоносной кожи можно видеть у Бальзака в романе «Шагреневая кожа», о чем речь пойдет ниже. Другой пример мы находим у Курцио Малапарте в романе «Кожа», где кожа является символом несчастья, страдания, позора и кризиса идентичности итальянского народа после прибытия в Неаполь армии союзников.

Рис. 2.4. Перевозбужденная *Я-кожа*: нарциссическая оболочка

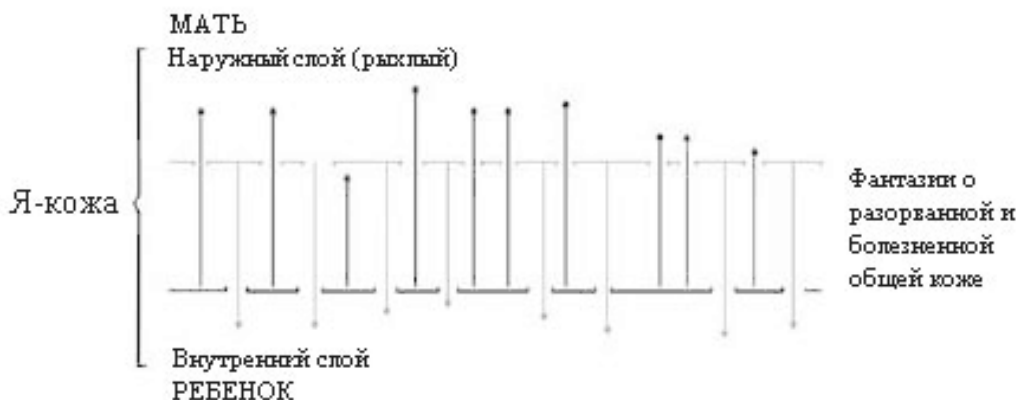

Рис. 2.5. Оболочка страдания

Если разделение внутреннего и внешнего слоев прервалось из-за смерти, отвержения или любого другого подобного рода события, развиваются фантазии об изодранной, поврежденной коже. На рисунке 2.6 видно, что два слоя *Я-кожи* разделяются много быстрее, чем на рисунке 2.1.

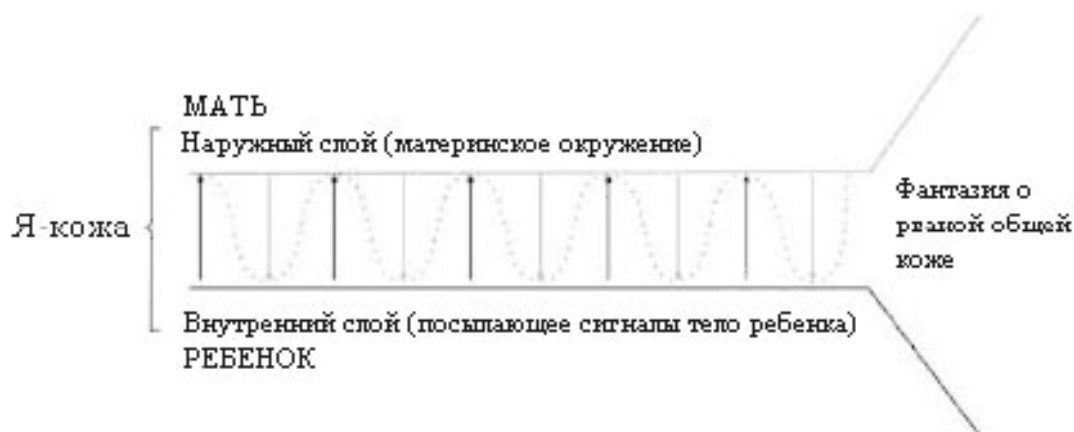

Рис. 2.6. Внезапное разделение слоев Я-кожи

Если внутренний слой оказывается пористым, дырявым и похожим на сито или если он загрубел и стал непроницаемым, тогда субъект, лишенный должной обратной связи с внешним слоем, будет контактировать с ним лишь посредством внимания. *Таким пациентам проще говорить о внешних проблемах и переживаниях других людей, чем о своих собственных.*

Нормальная эволюция ребенка и развитие его автономии приводят к исчезновению общей кожи, вызывающей сопротивление и боль. Если отношения между матерью и ребенком являются отношениями с общей кожей, если внешний и внутренний слой соединены вместе, тогда попытки сепарации будут сопровождаться фантазиями о разодранной, рваной и окровавленной коже; эти фантазии возникают как результат разрыва этой общей кожи.

В романе Бальзака «Шагреновая кожа» Рафаэль, главный герой, будучи обладателем благородного титула маркиза, тем не менее отвергнут. Безумно влюбленный в Федору, идеализированную им знатную и холодную женщину, он отвергнут ею, у него нет ни цента, и он уже готов совершить самоубийство и броситься в Сену. По дороге он заходит в антикварный магазин, где находит свой талисман. Это кожа дикого осла, с которым связаны некие магические силы. Все желания обладателя этой кожи сбываются, но с каждым исполненным желанием она не только уменьшается в размере, но и дни жизни ее обладателя сокращаются в той же пропорции. Заполучив этот талисман, Рафаэль начинает реализовывать все свои желания, но при этом он становится все более и более несчастным, потому что с каждым исполнением желания кожа сжимается, и он чувствует себя все более и более больным. Несмотря на все свои попытки жить без желаний, дабы продлить свою жизнь, ему не удается избежать встречи с Полиной, перед которой он не может устоять; он влюбляется и умирает у нее на руках, будучи не в силах перестать желать ее любви.

В фантазии об общей с матерью коже, в которой внешний слой блокируется и сообщения от внутреннего слоя поступают в искаженном виде, а всякое желание и попытка человека сепарироваться душит и убивает его, поскольку переживается как сокращение общей кожи, которую невозможно содрать.

Идея общей кожи, представляющей жизнь на двоих, отчетливо видна в сентенции, запечатленной на коже дикого осла:

Обладая мной, ты будешь обладать всем, но жизнь твоя будет принадлежать мне. Такова воля богов. Желай – и желания твои будут исполнены. Но соизмеряй свои желания со своей жизнью. Она – здесь. С каждым твоим желанием я буду сокращаться, как и твои дни. Хочешь владеть мной? Владей. Бог услышит тебя. Аминь! (Бальзак, 1831).

Вторая кожа

Если переживание окружающей оболочки и постепенное разделение нарушается, тогда реализуется защитный вариант развития, который Эстер Бик называет *второй кожей*. Хотя сама автор говорит либо о чрезмерном развитии врожденных способностей и действий, либо о гипертрофии мышечной массы, Анзье расширяет это понятие и предполагает, что в отсутствие интегрирующего динамического участия ощущений, проективная идентификация (которая блокирует некоторые механизмы обратной связи) и множественное расщепление способствуют формированию второй кожи. Этот процесс может приобретать различные формы: аутистичной скорлупы, мазохистической оболочки, жесткого мышечного корсета или психомоторного возбуждения (Anzieu, 1987a).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.